

Глава II. НОЯБРЬ 1918 – ЯНВАРЬ 1919

Большевики Украины свой I объединительный съезд провели в Москве 5–12 июля 1918 г. под руководством В. И. Ленина и при активной помощи ЦК РКП(б). На нем присутствовало 65 делегатов с решающим голосом, представлявших 45 партийных организаций, в которых насчитывалось 4364 члена партии.

I съезд КП(б) Украины наметил основные задачи и принял ряд резолюций. В резолюциях съезда говорилось: «...2) что Народный Секретариат не смог в силу целого ряда условий стать в период гражданской войны на Украине ее организующим центром, не является тем боевым знаменем, за которым могли бы пойти широкие массы...

б) Партия должна добиваться руководящего положения во всех революционных органах вообще и органах восстания в особенности, и устранять из них все те элементы, которые стали на сторону восстания не в целях утверждения на Украине диктатуры пролетариата, а в целях использования восстания либо в интересах союзного империализма, либо ради усиления Австрии против Германии, либо в целях восстановления власти мелкобуржуазной контрреволюции...

Никакие соглашения с эсерами, меньшевиками, бундовцами, украинскими эсерами, украинскими социал-демократами недопустимы.

С анархистскими организациями соглашения тоже недопустимы»[88].

8–9 сентября 1918 года в Орле прошел пленум ЦК КП(б)У, который постановил: «Партийные организации должны принять самое активное участие в развивающейся партизанской войне»[89].

17–22 октября 1918 г. в Москве прошел II съезд КП(б) Украины. На нем присутствовало 125 делегатов, представлявших около 9 тыс. членов партии.

«В резолюции по отчетному докладу ЦК КП(б)У съезд указал на промахи и недостатки, имевшие место в его деятельности в период между I и II съездами, в частности, на преждевременный призыв под влиянием “левых коммунистов”(Пятаков, Бубнов) к всеобщему вооруженному восстанию на Украине в условиях, когда оно еще не назрело. Съезд признал политическое направление ЦК неправильным, организационную деятельность неудовлетворительной»[90]

К этому времени нескончаемая империалистическая бойня, разорение, голод, невыносимая эксплуатация, поражение на фронтах, революционизирующее влияние событий в России привели к разложению войск, к неподчинению и восстаниям солдатских масс Четверного союза.

Все это способствовало освободительному движению на Украине и создало условия для аннулирования Брест-Литовского договора.

«...Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей, объявляются недействительными...»[91]

Международное и внутреннее положение, сложившееся к середине ноября, свидетельствовало о полном провале австро-германской оккупации на Украине.

К ноябрю всю Украину охватило повстанческое движение. Особенно сильным и организованным оно было в Екатеринославской губернии.

Екатеринославский губернский староста 19 ноября 1918 г. телеграммой сообщал: «Настроение губернии тревожное, местными силами ликвидировать повстанческие отряды, которые все разрастаются, нет возможности...»[92]

В середине ноября в Москве было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, в состав которого вошли в основном члены ЦК КП(б)У: Ф. Сергеев (Артем), К. Ворошилов, Э. Квицинг, В. Аверин, В. Затонский, Ю. Коцюбинский во главе с Г. Пятаковым.

Тогда же был создан Военный Совет Украины, в него были введены В. Антонов-Овсеенко[93], В. Затонский, Ф. Сергеев. 19 ноября 1918 г. члены Совета прибыли в г. Курск и приступили к организации войск Курского направления. В своей деятельности они столкнулись с определенными трудностями, порожденными тяжелым положением на Южном фронте.

Белогвардейцы большими конными массами прорвали фронт 8 армии, нарушили управление ее войсками, захватили ст. Лиски, недалеко от Воронежа, усложнив положение 9 армии, которая тоже вынуждена была отступать.

В директиве главного командования командованию 8 армией от 26 ноября 1918 г. говорилось: «За последнее время 8 армия запятнала себя непрерывным позорным отступлением. Горсть противника гнала полки. Революционные солдаты трусливо бегут от ничтожных казачьих разъездов. Тысячи красноармейцев бросают важные пункты сотням красновцев при одном лишь их приближении. Позорнее ничего не может быть. Пора, наконец, положить предел бесприличному безобразию, трусости и безволию...»[94]

В связи с этим ряд воинских частей, вошедших в группу войск Курского направления, было отозвано для Южного фронта.

Военные руководители категорически протестовали против открытия еще одного, Украинского фронта, еле справляясь с теми фронтами, где уже шла борьба.

29 ноября 1918 г. на имя В. И. Ленина поступило письмо от Командующего группой войск Курского направления В. А. Антонова-Овсеенко: «Товарищ Владимир Ильич Ленин. Дорогой Владимир Ильич. Совет Наркома и, по его указанию, Реввоенком решили немедленно приступить к активным операциям на Украине. 17-го ноября оформился Совет Украинского фронта, замаскированно названный Совет Группы Курского направления. Его состав: Я, тов. Сталин, тов. Затонский. Вацетисом указано взять в наше распоряжение: а) в Воронеже 43-й рабочий полк, 2-ю Орловскую кавалерийскую дивизию (подтолкнув ее формирование) и наличные продовольственные полки; б) Московскую рабочую дивизию, которая по сведениям штаба Главкома должна была находиться уже также в Воронеже; в) повстанческие части на Украине; г) отряд Кожевникова из-под Уфы; д) броневой поезд в Москве. Для организации Штаба Нач. Главн. Штаба в Козлове собрана (по его сообщению) группа в 5 генштабистов.

В Воронеже оказалось: 43-й полк в бою, взять его нельзя; Продовольственные полки или в бою или далеко не сформированы; 2-я Орловская дивизия почти не начала еще формироваться — без квартир, без снаряжения; Московская рабочая дивизия оказалась еще в Москве; у нее артиллерии почти нет, она политически не вполне надежна (отзыв Муралова и Мандельштама).

На Ярославском вокзале в Москве оказался броневой поезд, который однако мне не передали, несмотря на просьбу, обращенную к Вацетису. Другой броневой поезд, обещанный мне к 20 Центробронью, до сих пор еще не дает о себе знать. То же самое и с 3 бронемашинами, которые должны были выйти еще 20 вечером из Москвы (вопреки телеграмме о их выходе, они еще не вышли), итак, ко мне перешли пока только части повстанческих двух дивизий — в обеих до 4000 человек плохо снабженных, плохо организованных, плохо дисциплинированных и рассеянных на протяжении верст 300. В Курске и Орле формируются части 4-й и 9-й дивизий и продовольственные полки, но за отсутствием снабжения ничего не может из этого путного выйти. Орловский округ ничего не имеет, и никто ничего ему не дает. Вацетис предложил мне базироваться на этот округ, т. е. на полную пустоту. И еще — денег все нет. Я исчерпал все инстанции и теперь тревожу Вас. ПОМОГИТЕ.

Владимир Ильич, нас зовут из Украины. Рабочие повсюду выносят приветствия большевикам, клеймят радовцев, и радовцы торжествуют, благодаря нашему бездействию и спешно организуются. А к Киеву подтягиваются германцы, в Екатеринославе (по слухам) сидят “добровольцы”, в Донецкий тянут казаки. В таких условиях я решил идти вперед. Сейчас можно голыми (да дерзкими) руками взять то, что потом придется брать лбом.

С сердечным уважением Антонов. Командующий Группой Курского направления Р.С.Ф.С.Р.»[95].

Тогда же, 29 ноября, гетманский Совет министров, рассмотрев «вопросы, связанные с установлением более тесного объединения украинского правительства с главным командованием Добровольческой армии» постановил: «выдать из государственной казны представителю Добровольческой армии, для удовлетворения ее потребностей 10 млн. рублей...

Просить министра иностранных дел Г. Е. Афанасьева переговорить с главнокомандующим в вопросах приглашения частей Добровольческой армии для борьбы с внутренними большевиками, преимущественно в Екатеринославской и Харьковской губерниях...»[96].

14 ноября 1918 г. Директория[97], находясь в Белой Церкви, призвала к восстанию против гетмана Скоропадского. Тогда же С. Петлюра издал приказ, в котором указал, что если немцы не будут соблюдать нейтралитет, то их надо разоружать и не пропускать в Германию, и повел войска на Киев. Державы Антанты обещали гетману всяческую поддержку, в то же время оказывая давление на Петлюру. Немецкое командование заявило, что не допустит вступления петлюровцев в Киев и направило навстречу его войскам свой отряд, который был разбит петлюровцами под Мотовиловкой[98].

Под Киевом между войсками Директории и гетманцами произошел бой.

14 декабря Киев был взят войсками Директории. В этот же день гетман Скоропадский телеграфировал: «Я, гетман всея Украины, в течение 7/2 месяцев все свои силы клал для того, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находится. Бог не дал мне сил справиться с этой задачей. Ныне в силу сложившихся условий, руководствуясь исключительно благами Украины, от власти отказываюсь. Павле Скоропадский»[99].

19 декабря 1918 г. Директория публикует ноту, адресованную державам Антанты, в которой заявляла, что не призвала их войска на Украину и просит объяснить цель пребывания этих войск на Украине.

В ответ в Одессе был высажен новый десант в 8000 человек, на рейде стали боевые корабли союзников. Петлюровцы из Одессы, после сильного боя, были выбиты совместными усилиями держав Согласия и белогвардейцами.

Приморские районы — Одесса, Крым, Бердянск, Мариуполь были заняты добровольческими частями, поддерживаемые флотом и десантными войсками Антанты.

К декабрю 1918 г. на Украине насчитывалось 36 000 штыков и 200 орудий немецких оккупационных войск. Гетманских 20 000, петлюровская армия — 40 000 штыков, 3 000 сабель, около 50 орудий, 2-тысячный отряд добровольцев с 20 орудиями в Екатеринославе, в Донбассе около 5 000 и в Крыму около 3 000 добровольцев с артиллерией, броневиками, бронепоездами, самолетами, массой всевозможных формирований. Предполагалась высадка трех французских и трех греческих дивизий.

Этим прекрасно вооруженным и снабженным войскам большевики на Украине могли противопоставить только 4 000 повстанцев, скрывавшихся в нейтральной зоне между границами Украины и РСФСР, плохо вооруженных, раздетых, политически (в преобладающем большинстве) нестойких крестьян-повстанцев, почему-то гордо именуемых двумя «дивизиями».

7 декабря 1918 г. Антонов-Овсеенко докладывал главкому Вацетису: «...Попытка сосредоточения наиболее боеспособной части этих сил в направлении Курск-Белгород почти не удалась — организованные из черниговцев части отказались в большинстве

повиноваться приказу перейти из Черниговщины в указанный район. По этому поводу производится расследование. Начдив 1-й повстанческой устранил, политком отдан под суд... У меня в распоряжении части так называемой 2-й повстанческой дивизии... Они все из Харьковщины. Только к Харькову они пойдут охотно...»[100].

Но вся Украина представляла собой растревоженный улей. Партизанское движение было массовое, глубоко народное, патриотическое, стремилось к социальным переменам, свободе, демократии, земле. И когда эти 4 000 человек двинулись вглубь Украины, на соединение с ними бросились десятки тысяч повстанцев...

Вот и станция Гуляйполе. Здоровый, полупьяный, заспанный грузин-комендант, одетый чуть ли не в шелка, спросил, куда мы едем, и, узнав, указал: «Там тачанки!»

В одноэтажном станционном здании было грязно, но тепло. Воздух пропитан «махрой». Повстанцы, полураздетые и грязные, валялись прямо на цементном полу, перевязывая друг другу раны. Из дежурной комендантской слышалась исполняемая мужским дуэтом песня.

Вдруг гармоника заиграла «Яблочко». Все сразу оживились, и далее с ранами на голове — и те пустились в пляску. Припевкам не было конца. Устное народное творчество выражало в них чаяния народа, прославляя героев и с сарказмом высмеивая трусов и тех, чья «хата с краю», своих недоброжелателей и врагов.

Эх! Яблочко, наливается, А махновцы вперед продвигаются, Эх! Яблочко, куда котишься, Коль к махновцам попадешь, Не воротись. Эх! Яблочко, половиночка, А наш батько Махно, Як дытыночка. Эх! Прапорщик, зачем женишься, Когда махновцы подойдут, Куда ты денешься... Обогрившись, мы на площади перед вокзалом, сели на тачанку, и по ровной как струна шоссе-ной дороге, покатались с уклона, в видневшееся вдали Гуляйполе.

У околицы вправо и влево тянулись окопы, заваленные соломой. Здесь когда-то фронтовики собирались защищаться от немцев. В селе были широкие, прямые улицы, ближе к центру — добротные одно- и двухэтажные кирпичные дома, городской сад. Это было не провинциальное село, а небольшой оживленный городок.

Чуть не доезжая до базарной площади, на которой располагались довольно большая и красивая пятиглавая церковь, ряды магазинов, ряды столов базара, мы остановились.

Штаб находился в красивом двухэтажном кирпичном здании с балконами. На фасаде его висели тяжелые черные знамена с лозунгами: «Мир хижинам, война дворцам», «С угнетенными против угнетателей всегда», «Освобождение рабочих — дело рук самих рабочих». Дальше виднелись красные флаги вперемешку с черными, развешанные, видимо, у зданий гражданских организаций. Рядом со штабом, у входа в «Волостной Совет рабочих, крестьянских и повстанческих депутатов», висели два флага — один черный с надписью: «Власть рождает паразитов. Да здравствует анархия!», другой — красный, с лозунгом: «Вся власть Советам на местах!».

Мимо нас проехала тачанка с пулеметом. Пьяные молодые пулеметчики с длинными волосами под гармошку пели какую-то песню, а столпившиеся возле штаба девушки махали

им вдогонку платочками.

Огромный штабной зал был переполнен народом. Здесь размещалась и караульная команда штаба, и толпились местные посетители, главным образом — женщины, просящие вернуть с позиций их сыновей, и делегаты, приехавшие из окрестных сел. В отдаленном углу на столике стоял телефон, и телефонист кричал в трубку изо всех сил. Окна одной половины здания выходили на центральную, так называемую, Вокзальную улицу. Направо были двери с надписями мелом: «начальник снабжения», «члены штаба», «начальник штаба».

Член штаба Горев[101] сказал нам, что Махно уехал наступать на Екатеринослав, а его замещает начальник штаба Чубенко[102].

Меня интересовало, кто управляет фронтом, кто и как организовал вокруг Гуляйполя повстанчество. Чубенко охотно рассказал нам историю возникновения махновщины в 1918 г.

— Когда немцы оккупировали Украину и на украинский трон усадили гетмана Скоропадского, когда первая волна крестьянских возмущений (май, июнь), а вслед за тем рабочие забастовки были подавлены штыками, когда на Екатеринославщине процветала полная реакция, и повстанческие отряды были уже разбиты, тогда появился Махно.

Следуя из Москвы в Гуляйполе, он, проезжая через Курск, встретился со мной на перроне вокзала. Мы обрадовались встрече, я решил бросить работу на железной дороге Курска, куда получил назначение, и отправиться с Нестором в родное Гуляйполе для организации борьбы против гетмана. Мы подготовили документы, достали офицерскую форму, погоны и, проехав через Белгород, Лозовую, Синельникове, спрыгнули с поезда, не доезжая до ст. Гайчур. Дошли пешком до села Рождественки, дальше на крестьянской подводе добрались до Терновки и поселились на квартире дяди Нестора Исидора Передерия.

Почти месяц скрывались от варты и австрийцев. Пообвыкнув и рассмотревшись, мы лишь в конце августа приехали в Гуляйполе. Остановились у Никиты Лютого, который сообщил, что гуляйпольцы, анархисты и беспартийные, когда-то бывшие в коммунах и «Черной гвардии», так же, как и мы, в одиночку скрываются по хуторам, и вызвался созвать, кого сможет. Не дремали и мы. Лишь под конец сентября сошлись на первое совещание. Тут были Махно, я, Каретниковы — Пантелей и Семен, Марченко, Исидор Лютый[103] и Захарий Гусарь. Сидим на чердаке у Семенюты и рассуждаем, как бы организовать отряд и поднять восстание. На дворе было темно, и мы чувствовали себя в безопасности. Вдруг у соседа вспыхнул пожар, мы оторопели и не знали, что делать. Выйти во двор — могут узнать и донести, сидеть здесь — как бы наша хата не вспыхнула. Сидим и рассуждаем, а там крики, тревогу подняли, австрийцы уже порядки наводят.

Возвратился Гусарь, который полчаса тому назад куда-то выходил, и говорит: «Я запалил хату этому собственнику, чтобы не выдавал, сволочь такая!» — Мы набросились на него и начали ругать. Но не вернешь.

Основной вопрос, стоявший перед нами — оружие.

В конце концов мы достали деньги, купили пулемет, налетели на имение бывшего пристава и взяли четверку серых и два гнедых породистых рысака, две тачанки.

Нас тогда было восемь человек, один пулемет с тремя лентами, браунинг и восемь винтовок. Ночью выехали из Гуляйполя, а под утро, проскакав 50 верст, налетели на Жеребецкий банк, где взяли 38 тысяч рублей. Нам повезло!

В попавшей к нам газете «Приднепровский край»(1918, 14/09) прочитали: «Александровской уездной вартой задержан матрос Щусь[104], после убийства бандита Гонча (Бровы), ставший во главе его шайки, оперирующей в Больше-Михайловской волости. Щусь предоставлен в распоряжение австрийских властей». Было решено идти на выручку Щуся и объединиться с ним.

Числа 20 сентября в Дибровском лесу мы соединились. Наш отряд возрос до пятнадцати человек. Простояли мы в лесу спокойно, что-то дня три, расширили землянку Щуся, а потом решили катнуть в Гуляйполе. Но ввиду того, что там было много австрийцев, выкачивавших хлеб, останавливаться в нем было опасно. Тогда мы решили ехать в деревню Шагарово и подобрать там наших ребят, скрывавшихся от австрийцев.

Махно тогда ничем не проявлял себя и был как все, маленький и равный. До этого прогремевший налетами Щусь пользовался у нас военным авторитетом. Однако, он не имел над нами власти, и если надо было куда-нибудь идти, все сообща решали вопрос и, в зависимости от настроения отряда, принимали то или иное решение.

В Шагарово было спокойно, австрийцев не было, и мы, как ни в чем не бывало, разместились по хатам. Вдруг хозяин квартиры кричит в окно: «Скорее, австрийцы!». Мы, как угорелые, из хаты — и за пулемет, тащим его к загате, отлаживаем. Подпустили поближе и трахнули из пулемета. Начальник варты и его помощник тут же свалились, а австрийцы разбежались по дворам. Мы их обезоружили и отпустили.

Винтовок у нас было много, но добровольцев — только три человека. Отбитый пулемет с лентами установили на тачанку. Не страшно, — думаем — А из Гуляйполя австрийцы, услышав стрельбу, катили уже на подводах. Мы потихонечку, балочкой, махнули 25 верст в Успеновку.

Подкормили лошадей, переночевали и двинулись на Гуляйполе. По дороге к нам присоединились еще три человека.

Заехали мы в Гуляйполе, а там тревожно: австрийцы выгоняют подводы, конная варта делает объезды за селом. Надо уезжать скорее, подальше от греха, думаем себе. Но потом решили под шумок, сделать налет на державную варту, забрать оружие и разогнать. Распределили обязанности. В помещении управления варты новый начальник оказался у себя в кабинете. Там его и застрелили. Благодаря неожиданности, сопротивления никто не оказывал. Из караульного помещения забрали около двадцати винтовок, пулемет «Максим», пулеметные ленты, патроны. Только собрались ехать — вдруг из-за угла варта. Мы их подпустили и как ударили из трех пулеметов, они — кто куда, побросали на улице винтовки и лошадей. Мы все это подобрали.

— Ты, Пантюша, вот с ними оставайся здесь и найди ребят, пусть будут наготове, — приказал Махно Тютюннику[105].

Три славных хлопца остались, а взяли десять новых. По центру мы выпустили из пулеметов по одной очереди и махнули 35 верст на север, в с. Покровское.

Отряд наш все увеличивался. Оружия опять не хватало. Если бы повезло в Гуляйполе, думали мы.

На следующее утро от Пантюшки получили извещение. Ему удалось кое-кого разыскать из своих, да и крестьяне были весьма враждебно настроены против австрийцев и поджидали удобного момента, чтобы «отблагодарить» их.

Вперед послали местного крестьянина, который должен был разыскать Пантюшку и известить его о нашем намерении. Как только завяжем бой, церковный сторож должен был бить в набат, а крестьяне ударить по австрийцам с тыла.

Австрийская застава охраняла только главные выходы Гуляйполя, а остальные дороги были совершенно свободны.

Осторожненько, балочкой, мы подъехали, расспросили, что и как, и поехали на ярмарочную площадь. Это было в середине сентября по старому стилю. Была ярмарка, напротив которой, на заводе Вечлинского, расположились австрийцы, охраняя арестованных крестьян.

Мы их мигом окружили, ударили из пулеметов и бросились в атаку. А на колокольне уже звонили в набат. Испуганные австрийцы, подняв над головой руки, кричали: «Ура Махнэ!»

Австрийцы сложили оружие. Здесь же, не слезая с лошадей, мы избрали Революционный комитет, и Махно написал телеграмму, примерно следующего содержания:

— «Всем, всем, всем! Районный Гуляйпольский Ревком извещает о занятии повстанцами Гуляй-Поля, где восстановилась Советская власть. Объявляем повсеместное восстание рабочих и крестьян против душителей и палачей украинской революции, австро-германо-гайдамаков. Гуляйпольский Районный Революционный Комитет». Телеграмму отправили на почту, откуда она была разослана во все концы Украины.

Махно собрал митинг. Людей было необозримый лес. Он призывал австрийцев не верить офицерам, которые ведут их ложной дорогой, а вернуться домой и там бороться за революцию. Местное население он упрашивал отказывать во всем гетманцам и не подчиняться их власти.

После митинга взяв бригадную кассу мы роздали каждому австрийскому солдату бутылку водки и 50 рублей денег. Австрийцы ликовали: качали повстанцев, кричали «Ура!», были за революцию и просили взять их с собой.

Газета «Киевская Мысль» об этом рассказывала:

«...Выяснились следующие подробности попытки большевистского переворота в с. Гуляй-Поле.

В связи с последними сообщениями, австрийские части, расположенные в уездах Екатеринославской губ., стали стягиваться в город. Многие крупные пункты остались совершенно без охраны. В таком положении очутилось огромное село Гуляй-Поле.

Ночью, вслед за уходом австрийцев, в село под набатный звон и тревожные гудки находящихся в селе заводов, явилась группа, вооруженная винтовками и пулеметами.

После беспорядочной стрельбы и ряда грабежей на площади был созван митинг. Появились черные знамена и ораторы.

Жуткие речи заканчивались объявлением “осадочного положения”...

Во главе вновь образованного “военно-революционного штаба” встал бывший соратник Маруси Никифоровой — Махно.

Коммунары, захватив ближайшие пункты и поставив пулеметы, стали наводить порядок...

Через два дня прибыли отряды из города и без боя заняли Гуляй-Поле.

Расстреляно 11, арестовано 100. Махно бежал»[106].

В Гуляйполе мы были не более суток. Наш отряд увеличивался, и под ружьем было более сотни человек.

К тому времени Ермакратьев[107], организовавший в приднепровских селениях отряды (до 300 человек), находился между Александровском и Екатеринославом. Чтобы скорее соединиться с ним, мы вышли к Днепру. Прошли верст семьдесят, расспрашивая, где имеются местные повстанцы, но ни одного не встретили.

Наконец добрались до с. Михайлово-Лукашево. Здесь крестьяне хоронили казненных повстанцев из ермакратьевского отряда. Двумя днями раньше австрийцы разбили Ермакратьева и всех пленных повстанцев повесили. Зверской расправой руководил начальник уездной варты, штабс-капитан Мазухин.

Бежавший Ермакратьев и семь повстанцев находились на ближайшем хуторе. Захватив его с собой, мы повернули на Гуляйполе.

Под вечер наш отряд подходил к немецкой колонии № 2, где мы думали переменить лошадей и достать тачанки. Вдруг с огородов по нас дали залп, другой. Разведка выяснила, что стреляли немцы-колонисты. Рассыпались цепью, начали обстреливать. Выбили их из огородов, а они засели во дворах; выбили оттуда, прогнали улицей, а они засели в домах и ну палить по нас. Судили-рядили, а потом решили выкурить. Мигом поднесли огня и пустили красного петуха. Скирды сена, соломы, дома горели так ярко, что на улице было светло как днем. Немцы, прекратив стрельбу, выбегали из домов, но наши всех мужиков стреляли тут

же. Женщин и детей брали в плен. Под утро, когда выхватили из огня кое-что из одежды, лошадей и тачанки, мы двинулись дальше. Колония имела двадцать дворов, из которых только два уцелело, остальные сгорели дотла.

Отъехав верст пятнадцать, мы встретились с военными, которых сопровождала конная стража.

— Стой? Кто? Откуда? — спросили мы.

— Кто командует отрядом? — слышалось в ответ. — Я штабс-капитан Мазухин, начальник александровской уездной варты. Какой отряд, я спрашиваю? — повелительным тоном, поднявшись на ноги, крикнул Мазухин. Но вместо ответа ему скомандовали: «Руки вверх!».

Его раздели догола, а за компанию и его секретаря, важно ехавшего с ним в экипаже. Кучера, вартового и четырех конных, сопровождавших его, только обезоружили.

— А это что за письмо? — спросил Мазухина Махно, показывая конверт. Тот не отвечал и только плакал, упрашивал даровать ему жизнь. Но куда там! Ермакратьев его пытал за Михайлово-Лукашевскую расправу, а затем подвязал к животу ручную гранату и взорвал, а секретаря расстрелял.

Письмо содержало приглашение помещика Миргородского пожаловать к нему на именины. Хоть нам это было не с руки, но интересно было взять оружие, и мы решили ехать. Махно нарядился в одежду Мазухина, Щусь в платье секретаря. Погоны так и сияли...

В имении Миргородского мы застали бал в полном разгаре. Из окна долетало полупьяное пение.

Махно, Щусь и Лепетченко переступили порог и объявили хозяину, что они прибыли с Мазухиным, который на минуту задержался по дороге. Махно отрекомендовался помощником Мазухина, Щусь — начальником карательного отряда. Хозяин был в восторге... Когда махновцы вошли в зал, полупьяные гости закричали: «Ура русским офицерам!».

За длинным дубовым столом, рядом с отставным генералом, уселись наши ребята. За этим же столом хозяин, три австрийских офицера, какой-то подполковник, два ближайших помещика, дамы и барышни.

По примеру хозяина гости подняли бокалы.

— За здоровье хозяина, офицеров, за возрождающуюся великую Россию и вас господа помещики!... — начал тост отставной генерал. — Да поможет вам бог освободить христианскую церковь от антихристов-большевиков!

— Да ниспошли вам, русские люди, успеха в поимке бандита Махно! — провозгласил один из гостей.

Махно полез в карман за бомбой.

— Покарай его святая...

Разъяренный Махно встал.

Генерал оторопел, гости от испуга выронили бокалы.

— Я сам Махно, ... буржуазные! — зычно крикнул Нестор и поднял бомбу. Шипя, она упала в хрустальную вазу. Наши бросились к дверям. Свет потух. Оглушительный взрыв, за ним другой, третий.

Мы стояли у окон и ждали, когда кто-нибудь из них будет бежать. Но никого не дождались. Когда осветили зал, глазам представилась такая картина: полковник захлебываясь в крови, тяжело дышал, хозяин без руки корчился в судорогах, остальные совсем не подавали признаков жизни.

В качестве трофеев взяли 5 револьверов, штук 15 винтовок, много патронов, десяток лошадей и седел.

Мигом ребята открыли погреба и разыскали выпивку и закуску. Подкрепившись немного и захватив что поценнее, подожгли имение. Красиво оно горело.

Мы в Гуляйполе. Австрийцев не было. Видимо они ушли искать нас. Стояли три дня и все митинговали, призывая молодежь вступать к нам в отряды. Повторили телеграмму: «Всем, всем, всем!», которая вновь разнеслась по Украине. На четвертый день наше спокойствие нарушил австрийский отряд. Вооружив новых сорок человек, присоединившихся к нам, обстреляв из пулемета австрийскую цепь, мы вышли на Большую Михайловку. В Успеновке в отряд вступили пятнадцать человек со своими лошадьми.

В Большой Михайловке отряд разместился в центре села. Штаб остановился в волостном правлении, а повстанцы по хатам. По сведениям, которые мы имели от крестьян, в округе противника не было. Не выставив охраны, мы крепко уснули. Вдруг со стороны Покровской подошли австрийцы. Они проникли в центр и подняли стрельбу. Пришлось бежать в лес, оставив лошадей, пулеметные тачанки. А главное — мы растеряли отряд, он не успел отступить.

Разведав поутру силы противника, мы решили атаковать его, надеясь, что не успевшие отступить помогут. На рассвете наша цепь, состоявшая из двадцати человек, достигнув района расположения австрийцев, ударила по ним. Заработали пулеметы, залп, другой, третий. Австрийцы бросились врассыпную, оставив нам трофеи — две подводы патронов, четыре пулемета и 80 пленных.

Удрав за село, они окопались, а мы собрали своих растерянных ночью хлопцев и скрылись в лесу.

Сидим себе спокойно, не думая, что надо выслать разведку. А противник был умнее нас и в течение двух дней окружал лес. Река Волчья, окаймляющая его с восточной и южной стороны, была глубокой. На этом участке (3-4 версты) и занял позицию немецкий отряд,

установив орудия на самом высоком месте. Северную опушку леса, от реки Волчьей до села, занял австрийский отряд в составе пехотной бригады, но без орудий; западную опушку, прилегающую к селу, примерно на расстоянии до двух верст, занял конный отряд губернской варты, численностью до двухсот сабель.

Нас было тридцать шесть человек, и, находясь в центре леса, мы не знали, как выйти из кольца в поле. Что делать? Оставаться тут или поставить карту на прорыв? Мы колебались.

Щусь, сторонник умереть в лесу, пал духом. Противоположность ему был Махно. Он выступил с речью и призвал щусевцев последовать за гуляйпольцами, которые были сторонниками прорыва. Щусевцы поддались его влиянию и заявили:

— Отныне будь нашим батьком, веди, куда знаешь. И Махно начал готовить прорыв.

Это было десятого октября. На рассвете мы, как один человек, бросились на участок вартовых и, прорвав цепь, зашли им с тыла. В лесу поднялась невероятная стрельба. Отряд достиг села и набросился на пулеметы и оседланных лошадей. Двадцать семь человек вскочили на лошадей, а остальные девять, взвалив три пулемета на тачанки, приготовились к новому бою.

В центре села был австрийский отряд, охранявший заложников в церковной ограде. Мы ворвались на площадь и начали расстреливать попавшего в поле зрения противника. Австрийцы дрогнули и отступили на западную окраину села, предоставив нам центр. Отступая на западную и северную окраины, они подожгли строения. Расстреливая крестьян, бегущих из центра на пожар, они не щадили ни женщин, ни детей. Более сорока дворов сгорело, а сколько было расстреляно, трудно сказать.

Махно митинговал на площади перед крестьянами, которые за исключительную храбрость, героизм и умение, проявленные Махно в этом бою, наградили его званием «Батько». Они кричали ему: «Будь нашим батькой, освободи от гнета тиранов!»

Но вскоре мы снова были окружены.

С боем прорвались через мост на южной стороне села. Нас преследовали стоны дибривчан, пытаемых офицерами, мы ясно слышали треск и шум падающих в огне строений, мы видели с холма огонь и дым пожарищ. Но помочь горю были не в силах.

Удаляясь на пятьдесят верст в глубину степи, мы были молчаливы, подавлены событиями. В противоположность нам Махно был особенно весел и болтал о всенародном восстании.

— Если бы случилось со всеми деревнями, селами и городами то же, что с Дибривками, — говорил он, — восстание было бы неизбежно. Задача сегодняшнего дня и должна заключаться в том, чтобы как можно скорее раскачать село против гетманского насилия. Наш спаситель и путеводитель — только террор, только уничтожение всего дворянско-помещичьего строя. Мы должны это запомнить и проводить в жизнь.

Весь отряд, бывший до сих пор на поводу у Щуся, признал Махно. С этих пор он стал «батьком», политическим и военным организатором и воспитателем отряда и федерации анархических групп, назвавшей себя «Гуляйпольский союз анархистов». В союз входили группы: Дибривская, Покровская и Гуляйпольская в полном составе.

К этому времени атаман Краснов добился мира с украинским гетманом. Конница и грузная пехота украинских войск начала постепенно оставлять Дон, отходить на Украину.

Один из первых этих эшелонов на ст. Цареконстантиновка попал нам в руки и был разоружен. Четыре офицера расстрелял сам «батько», а солдат высадили из вагонов и направили в сторону Александровска. Зарыв в крестьянских тайниках оружие, мы пошли к северу и налетели на ст. Гайчур.

К стрелке подходил поезд со ст. Пологи, и мы его оцепили. В нем обнаружили девять вартовых, сопровождавших членов договорной миссии между Доном и Украиной, и четыре офицера. Офицеры были ответственными представителями Краснова на Украине и разъезжали с целью знакомства с обстановкой. Мы их изрубили на куски вместе с вартовыми.

О последнем налете сразу стало известно гуляйпольскому гарнизону и он, погрузившись на подводы, вышел на Гайчур. В то время, когда он подходил к станции, мы заняли Гуляйполе со стороны Туркеновки. Несколько пойманных вартовых были изрублены и пролежали на площади три дня.

Телеграф работал исправно. Наскоро составили телеграмму: «Всем, всем, всем!» и за подписью «Революционного полевого штаба» разослали по Украине. В ней говорилось о могуществе повстанчества в Гуляйполе, о ликвидации оккупантов и гетманских ставленников. Заканчивалась она призывом к восстанию.

Наше пребывание в Гуляйполе близилось к концу. Из Полог подошел немецкий отряд и окружил село. Однако, вражеское кольцо было настолько непрочным, что мы, завязав бой, из центра незаметно вышли в степь.

Осведомительный отдел Департамента державной варты сообщал Министру Внутренних дел: «...Александровский уезд: С уходом из Гуляй-Поля австрийских войск шайка анархистов Махно терроризировала население. 16 октября эта шайка числом 200 человек, располагая 4-мя пулеметами и другим оружием, заняла село и вступила в бой с вартою и самоохраною. Ныне шайка скрылась, меры к ее задержанию приняты, село Гуляй-Поле занято австрийскими войсками. В остальных уездах спокойно. Грабежи продолжаются...»[108].

В селе Ново-Николаевке (50 верст северо-западной от Гуляйполя) мы соединились с отрядом Вильгельма[109], численностью в 200 человек. Было решено вместе выступить на Дибривки. Пройдя ст. Мечетную, разрушив стрелки, изрубив покровскую варту, мы заняли Дибривки.

Так мы ходили по левобережной Екатеринославщине. Было множество налетов, боев, митингов. В селах, где нам приходилось останавливаться хотя бы на несколько часов, проводились митинги с призывами к восстанию против оккупантов, Скоропадского и их

сторонников, за лучшую жизнь, за свободу.

С регулярными, дисциплинированными, многочисленными и хорошо вооруженными войсками оккупантов бороться было нелегко. Жизнь заставляла нас применять всевозможные военные хитрости.

Находчивость, неисчерпаемую инициативу в большом и малом, которую проявляли повстанцы и население, порой трудно представить.

Бой всегда носил скоротечный характер, сближение с противником отмечалось стремительностью и непрерывностью движения, полное отсутствие перебежек и сомоокапывания, обеспечения боя соответствующим огнем быстро маневрирующих пулеметов на тачанках и выезжающей на прямую наводку артиллерии. Начавшись всегда неожиданно для противника, нападением со всех сторон, бой быстро переходит в стадию рукопашной схватки и заканчивается либо поголовным уничтожением противника, либо взятием его в плен.

Общий резерв у отрядов, ведущих бой, почти всегда отсутствует, и в отрядах все, до единого, принимают участие в наступлении. Общим же резервом для всех частей, дерущихся на разных направлениях, всегда являлось население восставшего района.

В случае пассивной обороны противника на какой-либо определенной линии сближение с ним и атака переносится, как правило, на ночь при одновременной организации паники в тылу и наступлением на флангах.

Главным принципом, на котором основывалась наша боевая деятельность, являлась внезапность. Суворовское положение «удивить и победить» в наших отрядах оправдывалось и применялось. Внезапность действий являлась залогом успеха и минимальных потерь.

Ну, например, удачно разыгрывалась такая картина. Засыпанная снегом деревня занята сильным отрядом противника. Дороги на околице перекрыты постами, секретами. В село ни зайти ни выйти. И вдруг в середине дня едет свадебный поезд. На первых санях мальчик с иконой, жених и невеста. Дальше дружки, с перевязанными через плечо полотенцами, сватовья, гости. Гармошки, бубен, нарядное платье, радостные лица. Песни с гиканием и присвистом — свадьба. Пост не останавливает, а если возникает заминка, его без звука, прихватывают с собой. Кавалькада приближается к штабу противника. Ребята на ходу соскакивают с саней и врываются в штаб. По сигналу к селу подходят главные силы отряда.

Лишенный управления и руководства, отряд противника редко оказывал сопротивление.

Невестой обычно наряжался Махно. О нас ходили всевозможные легенды и слухи, и было такое множество всевозможных трюков, что трудно было отличить быль от придуманного. Но все это создавало нам популярность и авторитет борцов за народное дело и обеспечивало всяческую поддержку населения.

Австрийцы шли за нами по пятам и уже строили позиции за селом. Махно был пьян, навеселе были и повстанцы. Однако сознание вернулось и, не принимая боя, мы вышли на юг и числа восьмого ноября, разогнав варту, заняли с. Темировку (35 км северо-восточнее Гуляйполя), где и расположились на отдых. Но на нас неожиданно навалились оккупанты, окружили и повели активнейшее наступление, не жалея ни людей, ни патронов. Австрийцы прорвались в центр села и вели бой во дворах, в хатах, захватили уже штук десять тачанок. Бой был жаркий, повстанцы отлично сражались, но отряд погибал — силы далеко не равны. Махно стоял во дворе и стрелял из револьвера по бегущим по улице австрийцам, когда ему доложили, что тяжело ранен Щусь. Видя безвыходность положения, Махно хотел застрелиться, но в это время у двора развернулась тачанка и пулеметчики буквально в упор начали расстреливать противника. Мы воспользовались замешательством. Поражение было жестоким, 170 повстанцев погибли. А мы с 180-тью бойцами, успевшими выйти из села, раненым Щусем, и второй женой Махно Тиной[110] скрылись в балках степи.

В смерти товарищей мы всецело обвинили Махно. Понутив головы, двигались к Днепру на соединение с повстанцами сел Михайлове-Лукашево и Жеребец. Там мы надеялись найти подкрепление и погонять помещиков.

Осведомительный отдел Департамента державной варты сообщал Министру внутренних дел: «10 ноября в 5 часов вечера шайкой Махно на станции Гайчур взята станционная выручка; у семафора со стороны Гуляй-Поля разобран путь, а затем пущен паровоз с 12 порожними вагонами: паровоз свалился на бок и 4 вагона разбито; путь поврежден на протяжении 50 сажень. Уходя шайкой захвачены телефонный аппарат и слуховая трубка телефона и расстреляны 5 неизвестных пассажиров стоявшего на станции поезда.

В ночь на 11 ноября поезд № 3, шедший из Бердянска, между ст. Гайчур и Гуляй-Подем был остановлен, ограблен железнодорожный артельщик на 52839 рублей. Сопровождавший артельщика казак и ехавшие в поезде 3 офицера расстреляны. По сведениям разбойничает шайка Махно, грабившая поезда около станции Пологи»[111].

Обрушившись на с. Жеребец, в ночь на 20 ноября мы обезоружили гайдамацкий курень Козыревых. Гайдамаки без боя сложили оружие и перешли на нашу сторону.

Двадцать седьмого ноября 1918 г. мы основательно заняли Гуляйполе. Гуляйпольский район, до того насыщенный войсками, в начале декабря был почти пуст. Гуляйполе, Дибровка и Рождественское были оставлены оккупантами на произвол судьбы. Они группировались, главным образом, на железнодорожных узлах: Пологи, Чаплине, Волноваха, Синельникове, Павлоград, Лозовая, Гришине, и, если на них не нападали, не проявляли себя наступательными действиями.

Австро-немецкая солдатская масса не о чем другом уже не мечтала, как только о возврате домой. Они до такой степени доусмиряли Украину, что уже сами нуждались в усмирении со стороны своих офицеров. Даже немецкие воинские части отказывались выполнять приказы о несении оккупационной службы, самовольно занимали эшелоны и ни под каким видом не желали освободить их.

Так, 1-й батальон 424 полка и батарея 98-го полка, выделенные для охраны железной дороги в пригороде Александровска, добились отправки в Германию в результате вооруженного выступления, во время которого были пущены в ход ручные гранаты.

«Около 300 тыс. солдат, — писал участник интервенции, немецкий офицер Г. Франц, — вышедших из подчинения своим начальникам, устремились на родину через страну, охваченную восстанием, в которой больше не существовало ни авторитета, ни порядка, где царил произвол и партизанская война. Впереди была суровая русская зима, всюду нас окружали враги»[112].

У отступающих, зараженных революцией и чувствующих свою вину за зверства солдат, можно было купить за деньги и выменять за хлеб и сало все, вплоть до орудий. И этим широко пользовалось население, вооружаясь на всякий случай.

Постепенно очищаемые немцами населенные пункты занимали повстанцы, петлюровцы, гетманцы, белогвардейцы.

Крестьянская молодежь становилась под ружье.

Станции Чаплино и Пологи были основательно заняты нами к 10 декабря. Выгнанные для взятия Павлограда и Лозовой отряды ст. Лозовую взять не смогли, так как там находились крупные силы немцев и гайдамаки 2-го Павлоградского полка Запорожской дивизии.

К 11 декабря наши отряды, перерезав железную дорогу Лозовая-Мерефа, расположились севернее ст. Лозовой у ст. Краснопавловки.

На демократических началах был избран «Революционный штаб», в состав которого как командующий отрядами входил Махно. Я (Чубенко — Ред.) был начштаба, членами были: коммунист-большевик (левый) Херсонский, левый эсер Миргородский[113] и анархист Горев. Это был первый коалиционный штаб Повстанчества Гуляйпольского района.

Организовались Советы рабочих, крестьянских и повстанческих депутатов, начали функционировать профессиональные союзы. Наш клуб анархистов и секретариат «союза» начали издавать листовки, призывающие население на борьбу с реакцией.

Числа 12 декабря мы снарядили отряд Красикова[114] для занятия Цареконстантиновки. В бою он был убит, и командование принял Куриленко. Я с отрядом в 100 человек занял Орехово. Крестьяне всех групп и рангов спешили к нам в отряды.

Однажды меня вызвал по проводу комиссар главного штаба, «наш знакомый» Горобец[115] из Екатеринослава, и предложил объединить силы для борьбы с белым Доном.

Штабом было решено выманить у него оружие. Была выделена делегация в составе меня, Горева, Херсонского и Миргородского, и мы 15 декабря прибыли в Екатеринослав. Был выработан проект договора, который состоял, приблизительно, в следующем:

Обе стороны заключают союз против белого Дона. Махновская армия получает вооружение, обмундирование и продовольствие от петлюровской. Взамен этого она дает петлюровской право мобилизовать людей на своей территории.

Горобец нам отпустил один вагон патронов и полвагона винтовок. Кроме того, за хорошую взятку нам удалось неофициальным путем получить из артсклада бомбы и взрывчатку.

Мы ликовали, сели в вагоны и были готовы к отходу. Вдруг поезд отцепили, нас арестовали и привели к Горобцу. Возмущенный, он показал нам телеграмму из Синельникове, в которой сообщалось, что Махно занял Синельникове и изрубил петлюровскую роту. Мы заверили Горобца, что это провокация, и он отпустил нас.

Переехав мост, остановились в Нижнеднепровске. К нам зашли местные большевики из ревкома и стали расспрашивать о цели нашей поездки к петлюровцам. Мы рассказали о наших намерениях, но они отнеслись к этому недоверчиво. Для подтверждения наших объяснений мы пообещали прислать нашего представителя в их губернский ревком. Распрощались и уехали в Гуляйполе.

Представителем от нашего штаба в губревком в Нижнеднепровск мы послали Марченко.

Приехали в Гуляйполе и доложили о результатах поездки. Махно и секретариат «союза анархистов» целиком высказались за занятие Екатеринослава с целью захвата арсенала и орудий. Вот они теперь и заняли город, и уже четвертый день удерживают наступающего противника.

Чубенко прервали, срочно вызвав к аппарату. Вскоре он вернулся взволнованный и сообщил, что Махно едет обратно, и по тону его было видно, что у наших неприятности.

Наконец-то сегодня увижу его, подумал я, проснувшись утром. На улице поднялся какой-то шум. Слышны были разговоры, топот коней, стук проезжающих подвод.

Я увидел Махно и Щуся со свитой, ехавших впереди экспедиции. Махно, видимо, устал. Он лениво соскочил с лошади и, пропустив подводы, зашел в гостиницу.

— Что ж вы тут сидите, подлецы, пьете наверное, а нас там бьют! — долетел до меня полуженский голос.

Я поспешил выйти в коридор. Там были Чубенко, Махно, Щусь и другие. Махно, непрерывно бранясь в адрес членов штаба, вошел в свой номер.

Щусь заметил меня и, поздоровавшись, потянул за руку.

— Батько, а вот тот, который обещал высадить десант из Кубани! — сказал он.

— А, обещальник, обманул! — протягивая руку, сказал Махно. Я вкратце объяснил историю с десантом и Кубанью. Махно своим криком на подчиненных штабников, входивших и выходивших, все время мешал мне говорить, и я с трудом заканчивал доклад. Тогда он

перебил меня и заговорил екатеринославской неудаче. Сразу все притихли и насторожились.

Махно походил на разукрашенную куклу. Ниже среднего роста, живой е движениях, с маленьким лицом, вздернутым носом, быстрыми карими глазами и длинными волосами, спадавшими на шею и плечи, он казался мальчиком. Одет он был в маленькие офицерские сапожки, диагональное галифе, драгунскую с петлицами куртку, на голове студенческая фуражка, через плечо маузер. Он мотнул головой, громко ругнулся и заговорил:

— Можно ли было с этими остолопами идти в Екатеринослав?

Там получилось так. В первой половине декабря по решению городской конференции КП(б)У прошли выборы в Екатеринославский Совет рабочих депутатов. Первое заседание Совета началось 21 декабря в Зимнем театре, но было разогнано петлюровцами. В ответ на это большевики призвали к забастовке. Петлюровцы в свою очередь разгромили их комитет, штаб, и другие организации и всех выгнали из города. Оказавшись в Нижнеднепровске, большевики, желая взять реванш, но не имея для этого сил, пожелали союза с нами.

В моем распоряжении был отряд Каретникова и гуляйпольский батальон и, не согласись с большевиками, я бы сражение выиграл, но закрепиться в городе ни за что не согласился бы, — размахивая рукою, говорил Махно. — С батальоном я выехал из Гуляйполя и захватил из Синельникова отряд Каретникова. Прибыли в Нижнеднепровск, где меня встретил Марченко и информировал о положении. Он говорил, что в самом Екатеринославе имеются большевистские подпольные организации, которые нас поддержат. К тому же, петлюровцы неделю тому назад обезоружили немцев и выгнали восьмой белогвардейский корпус. Силы петлюровцев незначительны — всего 3–4 тыс. человек, разбросанных по городу. Они воюют с местными большевиками, у которых в округе, включая Новомосковск, Нижнеднепровск и Каменское, наберется до пятисот вооруженных человек. Из них одна рота находится в Новомосковске, две сегодня отосланы в Каменское для закрепления власти ревкома, а 1-я и 2-я роты Новомосковского советского полка находятся здесь, в Нижнеднепровске. К тому же, прибыл эсеровский отряд, в котором наберется до 200 человек. В общем, Марченко думал, что наших сил достаточно для того, чтобы выкачать из города оружие и вновь отойти за Днепр. Рассчитывать на закрепление города за собой нам нельзя было, ибо сильная группа «сичевых стрельцов» Самокиша поездами шла из Кременчуга в Екатеринослав для усиления гарнизона. Так меня информировал Марченко, так я его понял и решил не медлить с наступлением.

Вдруг приходят большевики и приглашают меня на заседание губревкома, в который входил и наш Марченко. Они поручили мне командование всеми своими частями. Людей у них было более четырех сотен.

Ровно в 5 часов утра 27 декабря из Нижнеднепровска, под видом рабочих, была отправлена группа захвата с целью занятия вокзала и пристани. Гуляйпольский батальон я погрузил в рабочий поезд, а отряд Каретникова должен был ехать в своих двух составах. Их задача состояла в том, чтобы под видом рабочих проехать мост и занять станцию и пристань. Соколову, командиру первой роты советского полка, и Панченко, командиру второй роты, я

дал задание: одновременно с продвижением по мосту моих эшелонов провести роты по мосту цепью и наступать вдоль линии железной дороги в направлении на Кайдаки.

Мы двинулись. Застава на мосту дремала, и вообще петлюровские войска во главе со штабом в первый день рождества спали в городе. Первый эшелон переехал мост и одновременно советские роты без выстрела обезоружили сонную заставу.

Unknown[116]

Пройдя мост, наступающие части направились на Провиантскую улицу, захватили вокзал и пристань. На вокзале в руки повстанцев попали 20 пулеметов, 4 орудия. Перед нами открылась живописная картина: весь перрон усеян винтовками, шинелями, прочим военным имуществом; безоружные, полураздетые петлюровцы, разбегающиеся кто куда.

По сигнальной ракете в бой вступили остальные части. Наши эшелоны разгружались и на ходу строили цепи, проникая в город. Две большевистские роты повели наступление на Кайдаки. У станции находились два орудия, командир которых предложил мне свои услуги. Завязался 20-ти часовой бой. Петлюровцы на всех участках защищались слабо, если не считать дома № 10 по Провиантской улице, где был их главный штаб. Штабники дрались хорошо, засев в домах. Я навел орудие и прямой наводкой обстрелял здание. Тогда дело пошло живей: петлюровцы отступили, и мы заняли город. Я приказал Каретникову выслать на Кайдаки гуляйпольский батальон для подкрепления участков двух советских рот, а его отряд оставил в резерве. Заняли аэродром, где захватили семь аэропланов. Ввиду неожиданности наступления все банки, другие государственные учреждения, арсенал остались неэвакуированными. Со всех тюрем и домов заключения мы выпустили всех арестованных, думая, что ребята наши, но через день самому пришлось расстрелять трех бандитов за грабежи. Воспользовавшись происходящими событиями, бандиты подожгли на Озерном базаре магазины и занялись грабежами. Половина корпуса базара сгорела. В связи с этим, нами было распространено воззвание.

Махно взял листовку и начал читать: «Воззвание, к гражданам гор. Екатеринослава и губернии. Граждане. При занятии гор. Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилия. Творится ли эта вакханалия в силу определенных социальных условий, или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации, во всяком случае это делается. И часто делается именем славных партизанов-махновцев: борющихся за независимую, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства.

Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемой бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющимися светлыми завоеваниями революционного народа, Я ИМЕНЕМ ПАРТИЗАН ВСЕХ ПОЛКОВ ОБЪЯВЛЯЮ, что всякие грабежи, разбои или насилия ни в коем случае ДОПУЩЕНЫ НЕ БУДУТ в данный момент моей ответственностью перед революцией и будут мною ПРЕСЕКАТЬСЯ В КОРНЕ. Каждый преступник, совершивший преступление вообще и в особенности под именем махновцев, или других революционных отрядов, творящих революцию под лозунгами восстановления Советского строя, БУДЕТ БЕСПОЩАДНО РАССТРЕЛИВАТЬСЯ, о чем объявляю

всем гражданам, призывая их также бороться с этим злом, подрывающим в корне не только завоевание революции, но и вообще жизнь честного гражданина.

Главнокомандующий батько Махно»[117].

Пострадавший после пожара Озерный базар был целиком мной конфискован и служил нам продовольственной базой.

Под вечер петлюровцы перешли в контрнаступление и начали бить по нас из орудий со стороны артиллерийских казарм. Мы бросились туда и оторопели: петлюровская батарея (орудий шестнадцать) выбросила в нашу сторону белый флаг и ураганным огнем била по своим. Командир т. н. артбригады Мартынов перешел на нашу сторону, и петлюровские стрелковые полки Гулого-Гуленко снова бежали в направлении Диевки.

Наступило сравнительное затишье. Наши хлопцы грузили боеприпасы на поезд и посменно дежурили на западном участке. Оружия было много, и по просьбе ревкома ему было отпущено свыше тысячи винтовок. По распоряжению ревкома профсоюзы на предприятиях открыли запись добровольцев, и уже имелись солидные дружины. Ревком их вооружил и заставил нести гарнизонную службу.

30 декабря Екатеринославским губернским ревкомом был издан приказ № 2.

«В целях восстановления нормальной жизни в городе Губернский Военно-Революционный Комитет впредь до утверждения Советом Рабочих и Солдатских Депутатов временно назначает:

Главнокомандующим Советской Революционной рабоче-крестьянской армии Екатеринославского района тов. Нестора Махно. Военным Комиссаром назначается тов. Григорий Мартыненко. Комендантом гор. Екатеринослава тов. Николая Хавского. Комиссаром Екатерин, жел. дор. тов. Николая Стамо. Комендантом ст. Екатерин, тов. Федора Орделяна. Комиссаром почты и телеграфа тов. Виктора Перенского (Пульман). Комиссаром Финансов тов. Исаака Крейсберга (Георгия). Комиссаром продовольствия тов. Феодосия Бондарчука. Комиссаром Труда тов. Владимира Клочко (Кошко). Комиссаром Тюрем тов. Леонида Степанова. Комиссаром типографий тов. Михаила Колтуна. Комиссаром Центр. Телегр. ст. Екатерин, тов. Полторацкого.

Назначая опытных, честных революционеров на ответственные посты, Губернский Военно-Революционный Комитет уверен, что означенные товарищи будут твердо защищать дело революции и приказывает всем лицам и учреждениям безупречно выполнять все их приказания по соответствующим отраслям»[118].

Ревком объявил себя единственной властью к начал организацию учреждений, почти не допуская к работе нашего Марченко. Эсеров они совсем не признавали, и те просили меня повлиять на них, чтобы на паритетных началах организовать новый ревком.

На третий день нашего пребывания в городе я отправился с эсерами в губревком с предложением реорганизовать его или пополнить пятью человеками от каждой

организации, то есть от нас, большевиков и эсеров. Но они не согласились и вели усиленную организацию военных сил в городе. Для нас ревком собственно не был нужен, мы бы ему никогда не подчинились, и потому я особенно не настаивал.

Слухи о несогласованности действий стали достоянием массы бойцов и действовали разлагающе, ставя их в дурацкое положение. И действительно. Что за формула? Вы будете воевать, а мы будем керувать[119].

Я спешил погрузить отбитое оружие и готовился оставить город, зная, что это неизбежно в силу нашей малочисленности и начавшейся партийной грызни за городскую власть.

Так и случилось. 1 января вбегает к нам на совещание запыхавшийся поручик Тосинский, командовавший одним из большевистских отрядов, и истерично срывающимся голосом кричит, что петлюровцев видимо-невидимо, и наши бегут. Я выехал на фронт и ужаснулся многочисленности петлюровцев. У города были сичевые стрелки полковников Самокиша и Саквы, прибывшие из Верхнеднепровска, и теснили наших на всех участках. Я начал приводить своих в порядок и оттягивать их к мосту, как вдруг дружины, организованные Губревкомом, особенно серпуховская, все время охранявшая город от бандитизма, повернулась против нас. «Хотя бы состав с оружием выхватить», — подумал я и послал Лютого на станцию. Но везде была измена. Переодетые санитарями белогвардейцы и петлюровцы, ревкомовские дружины стреляли по нас из домов в спину, а Самокиш напирал все сильнее.

Я с группой своих отбросил серпуховцев от моста и перешел его по верхней части с кавалерией и тачанками, по нижней части удалось вывести два эшелона пехоты. Остальные, сдерживая противника, вели бой в городе и были отрезаны от моста. Отступая по льду на левый берег Днепра, они попадали в полыньи от разрывов снарядов и расстреливались, точно утки, стрелками Самокиша.

Я потерял шестьсот человек, спас четыреста. Наш состав, груженный оружием, железнодорожники умышленно загнали в тупик. Итак, я вернулся с двумя орудиями, собственно ни с чем.

Самокиш успешно перешел мост и сбил нас на Нижнеднепровск. Там у нас состоялось совещание, где большевики предлагали продолжить совместную борьбу, но мы по известной причине отказались. Вот я и решил ехать на Синельникове, куда ранее затребовал из Гришине отряд Петренко, а Ревком со своими ротами Новомосковского полка, тоже полуразбитыми, отступил в Новомосковск, но он не удержится и там.

Теперь нам следует смотреть за Самокишем, чтобы он на Синельникове не ударил. Ты, Чубенко, сейчас же одевайся и поезжай туда и если он не будет наступать дальше Нижнеднепровска, надо занять Павлоград и Лозовую. Может быть удастся соединиться с Красной Армией, которая, по слухам, заняла Белгород и перешла в наступление по всему Украинскому фронту. Если с ней будешь иметь встречу — заключи военный союз.

— Согласны, ребята? — обратился к нам Махно.

Мы, как один, были согласны.

Нас пригласили в столовую, и мы пошли за Махно. Он налил стакан спирта: «За будущее повстанчества!»

Подвыпив немного, я начал говорить Махно относительно повстанческого или крестьянского съезда, который бы, с одной стороны, объединил все отряды в достойные войсковые единицы и, с другой, организовал исполнительный орган в лице Совета. Он был согласен, остальные — тоже. Тут же мне было поручено созвать фронтовой съезд, выбрав место по своему усмотрению, а Головки[120] — рабоче-крестьянский и фронтовиков.

Я поспешил известить все отряды, чтобы они на третье января 1919 г. прислали своих делегатов на съезд в Пологи.

Подъезжая к штабу, увидел женщин, которые о чем-то горячо расспрашивали повстанцев. До нас долетели отрывочные фразы: «Сукин сын, погубил детей, потопил несчастных, а сам невредимым вернулся». Я понял, что они ругали Махно за неудачную екатеринославскую экспедицию.

Улица пестрела множеством людей, тут и бородачи в истрепанных полушубках с винтовкой на плече, тут и школьник, выросший из пальто, с обрезом в руках носится в кругу, заломив фуражку. Гармошка фальшивила в дюжих руках парня, и он заглушал ее новыми куплетами «Яблочко»:

...Махнов-чики-чики, славны хлоп-чики-чики потопились у Днепра!, як гороб-чики-чики...
Здесь кулаки, середняки, батраки и рабочие смешались в одну общую массу.

Мыё с Долженком ехали на вокзал, когда в селе ударили в набат, вероятно, ш созывая людей на митинг. «Плохо придется Махно за Екатеринослав», — проговорил Долженко.

В Пологах, кроме местного отряда под командой Нестеренко[121], стояли еще два: кирилловский и семеновский. В этих двух отрядах насчитывалось, примерно, до семисот человек, наполовину вооруженных самодельными пиками, вилами и ключками. У другой половины были винтовки, обреза и дробовые ружья. Обладатели их считались счастливыми людьми, хотя патронов на винтовку имелось не более пяти-десяти.

Меня там встретили командиры: один лет пятидесяти, другой — молодой. Они просили помощи. Я предложил им выбрать на съезд делегатов от своих отрядов. Это их обрадовало, и они обещали мне, как только отобьют свои села, всех мужчин погнать в армию.

На разъезде Ново-Карловка я встретил новые отряды: басанский (до 500 человек), под командой атамана «батьки»Зверева[122], петропавловский (до 400 человек), под командой Коляды[123] и вербовский (до 300 человек), под командой Паталахи[124]. Вооружены они были как два первых, но командиры различны. Одни хотели куда-нибудь влиться, лишь бы отбить свои села, другие не хотели, боясь потерять личный авторитет.

Я созвал собрание командиров. Большинство из них одеты в немецкие дорогие шубы, каракулевые шапки, хромовые сапоги. Но были и победнее. Одни имели по два-три револьвера, торчавшие за поясом, а другие носили на ремне тяжелые берданки или дробовики. Я выступил с докладом о задачах съезда и призвал избрать на общем собрании повстанцев полноправных делегатов, намекая на авторитетных командиров.

Против выступил Паталаха, но меня поддержал Коляда.

— Надо наступать, а то, черт знает, и квартир недостает, и хлеба нет, — говорили повстанцы этих отрядов. Они митинговали и большинством голосов решали, куда идти в налет: на Басань, Петропавловку или Вербовую. Видимо, их батьки об этом договорились заранее, и, как только мы кончили разговор, командиры уселись на свои заливчатские тачанки, обвешанные персидскими коврами и заваленные немецкими перинами. Четверки здоровых лошадей помчали их от поезда в распоряжение своих отрядов.

Я поехал дальше. В с. Малая Токмачка стоял отряд под командой Ищенко[125], здорового, красивого детины в немецкой шубе и большой папахе. Его тачанка была обвешена коврами, четверка лошадей в новой немецкой упряжи и сетчатых пополах напоминала выезд старого помещика. Конная свита одета не хуже господина: через плечо на ремне свисали сабли, за красными поясами торчало по два револьвера, висели бомбы.

В Малотокмацком отряде было до 400 человек. «Батько» его охотно обещал избрать делегата на съезд.

Следующим пунктом было Орехово. На перроне расхаживали повстанцы в боевой готовности. Верстах в двух, на южном горизонте, виднелась в окопах наша цепь, изредка стрелявшая в подступавшего неприятеля (немцев-колонистов). Позади станционного здания играла гармошка, слышались заливчатские выкрики:

«Ой, яблочко, куда котишься, Попадешь к Дерменжи, не воротишься». Мы пошли посмотреть. Человек двести стояли кольцом. В середине носился в присядку плотный мужчина средних лет. Длинные черные волосы свисали на плечи, падали на глаза. «Рассыпались лимоны по чистому полю, Убирайтесь кадеты, давайте нам во-о-олю!» — выкрикивал он.

— Это наш батько Дерменжи[126], — пояснил нам один из повстанцев. Вдруг на позиции затрещали пулеметы и винтовки. Два верховых скакали во весь опор и кричали:

— Немцы наступают!

«Батько» крикнул: «Ну, сынки, собирайся».

— На фронт, на фронт с гармошкой! — заревела толпа. И они, спеша и спотыкаясь в разброд побежали на позиции.

Противник был несерьезный, и вскоре стрельба утихла.

Дерменжи снова появился на станции. Я представился и заговорил о целях моего приезда. Он охотно откликнулся.

Нас обоих вызвал к аппарату Махно. Он спрашивал, правда ли, что немцы колонии Блюменталь вооружились и делают налеты на наши села, что ими сожжено ближайшее село Копани. Получив утвердительный ответ, он просил Дерменжи, чтобы к его приезду был подготовлен отряд, с которым он мог бы выступить на немецкую колонию.

Когда Махно со вторым гуляйпольским батальоном отъезжал со станции Пологи, я выехал из Орехова в Жеребец.

Станцию занимала застава местного отряда, который соединился с рождественским и другими, более мелкими. Командовал ими Правда[127].

В селе меня поразило обилие пьяных повстанцев, разъезжавших на убранных коврами и одеялами тачанках. Село представляло собой какой-то шумный кабачок. В церкви били в набат, и крестьяне торопились на митинг. Пошли и мы. Стояли, стояли, а организатор митинга все не появлялся.

Я выступил с речью о текущем моменте и коснулся вопроса об организации Советов. Вдруг вижу — на площадь мчится кавалькада верховых, а посередине тачанка. На ней, зарывшись в подушки и подняв костыли, сидел безногий «батько» Правда. Он въехал в толпу что-то крича. Я понял, что надо скорее заканчивать речь.

— Кто приехал, что говорит? Я сам батько. У нас свой штаб. Что мне Махно? — кричал Правда, размахивая вокруг костылями. Мне стало ясно, что имею дело с типом, каких еще не встречал, и крикнул: «Ура, батько Правда!» Толпа заревела, и Правда в восторге понизил тон.

Он, стоя на коленях в тачанке и размахивая костылем, обращался к мужикам побогаче: «Слушайте, дядьки! Будемо сидети на вашш шш до того часу, поки ви нас як слщ не напоетте. Шию об'шо, спину будемо гризти, а не видно. Скорие варить две бочки самогону, тоди завтра видно»[128].

Не помня себя от возмущения, я подбежал к нему, выхватив из кобуры маузер. Вскочив на подножку тачанки, в резкой словесной форме выразил свое негодование его поведением. Потом приказал кучеру ехать на станцию к аппарату, чтобы переговорить с Махно. Вспомнив, что за такую же историю в него уже раз стреляли, «батько» присмирел и по дороге на станцию начал меня упрашивать.

— На, потяни с горлышка! — говорил он, доставая из-под одеяла четверть самогона.

Махно не удалось вызвать. Правда обещал больше не повторять такого, и дал слово увести отряд (свыше 300 человек) на Александровск. Вернувшись к отряду, он сразу выслал на съезд делегата.

В с. Камышеватке, куда собирался Правда, стоял местный отряд, доходивший, приблизительно, до 200 человек. Его командиру я написал записку, что штабу Махно желательно было бы занять Александровск, и если эта задача посильна, чтобы он это сделал, соединясь с Правдой, а также чтобы прислал на съезд делегата.

Мы уехали обратно в Орехово. Нас интересовал результат боя в колонии Блюменталь.

Станция была битком набита ранеными. Они беспомощно стонали, перевязывая друг другу раны грязными клочками материи. Медицинского персонала тогда в отрядах не было.

Поезд Махно стоял напротив перрона, и у паровоза столпился народ. Махно кричал:

— В топку его, черта патлатого! Ишь, паразит, разъелся!

Мы подошли и увидели, как Щусь, Лютый и Ленетченко возились на паровозе с чрезвычайно толстым, бородатым стариком в черном. Он стоял на коленях у топки. Щусь открыл дверцы и обратился к нему:

— Ну, водолаз, работаешь на врагов наших, пугаешь адом кромешным на том свете, так полезай в него на этом!

Все притихли. Священник защищался, но дюжие руки схватили его. Вот скрылась в дверцах голова, затрепетали руки. Момент — скрылись и ноги. Черный дым повалил из трубы, понесло гарью. Толпа, молча сплевывая, отходила в сторону.

Оказалось, что на станции поп агитировал повстанцев прекратить войну с немцами во имя бога и гуманности. Немцы нация умная, культурная, образованная и нам, мол, принесла культуру и обеспечит порядок, а это именно то, чего нам всегда так не хватало. Он пугал раненых, что если они его не послушают, будут гореть в аду.

Махно доложили, что на станции очевидно лазутчик, который агитирует за немцев. Доложили подробности. Тогда, огорченный поражением и большими потерями, Махно распорядился сжечь попа в паровозе у всех на виду.

Бой в Блюментале Махно проиграл. Он успел только сжечь несколько дворов, забрав лошадей и одежду. Понурился, он всю дорогу до ст. Пологи молчал и изредка выпивал по рюмке спирта.

В Пологах мы расстались: он уехал в Гуляйполе, я — на Цареконстантиновку. Вскоре мы сидели на собрании, которое избрало на съезд Куриленко, Вдовиченко и меня.

3 января 1919 г. в вокзальном здании станции Пологи, открылся съезд южного участка фронта, на который прибыло свыше 40 делегатов. Был избран исполком съезда: председателем — Новиков[129], секретарем — Зверев, членами: Чубенко, Куриленко, Липский[130] и Хмарский[131].

В информации с мест в основном отмечалось одно и то же, чувствовалась острая нужда в оружии в патронах, а еще большая — в согласованном руководстве фронтом.

Докладывая о текущем моменте я нарисовал картину общеукраинского и нашего екатеринославского фронтов. «Следует положить конец батьковщине и разгильдяйству, и все мелкие к крупные отряды реорганизовать в полки, придать им обоз, лазарет и снабжение», — закончил я свою речь.

По вопросу организации фронта съездом была вынесена примерно такая резолюция:

«Вместо Исполкома съезд выделяет оперативный штаб, который является высшим военным органом южного участка фронта и его тыла. По своему усмотрению, он должен отряды слить в полки, придать им тыловую базу, вести организацию новых частей, распределять запасы оружия, организовать фронтовые штабы и руководить боевыми операциями. Все неподчинившиеся отряды подлежат разоружению, а их командиры преданию общеповстанческому суду».

Были проведены выборы в оперативный штаб, начальником которого избрали меня (В. Белаш. — Ред.), а членами: Марченко, Новикова, Коляду, Пономаренко и Куриленко. Штабу предоставлялось широкое право кооптации работников.

Кроме вопросов о текущем моменте и организации фронта, были разрешены вопросы чисто тылового значения. Делегаты высказались за всемерную поддержку советов и пожелание ни в коем случае не допускать над ними какого-либо насилия со стороны военных. Все имения переходят в распоряжение народа и до общекрестьянского съезда охраняются вооруженными людьми (местная охрана) прилегающих к ним селений. Охрана находится в распоряжении местных советов, поддерживает их авторитет и помогает в борьбе с бандитизмом.

На второй день съезд закончил свою работу. Четвертого января вечером состоялось заседание штаба, на котором для ведения собраний, хранения протоколов и дел были избраны председателем Новиков и секретарем Марченко.

В тот же день мною был составлен план реорганизации фронта, утвержденный заседанием штаба и приказом разосланный по отрядам:

1. «...В первый повстанческий полк имени батько Махно входят отряды: Новоспасовский — 1 500 штыков, Раздорский — 600 штыков, Воскресенский — 400 штыков под общим командованием комполка Вдовиченко.
2. Во второй повстанческий полк имени батько Махно входят отряды: Пологовский — 400 штыков, Кириловский — 400 штыков и Семеновский — 300 штыков под командованием Дерменжи.
3. В третий повстанческий полк имени батько Махно входят отряды: Басанский — 500 штыков, Петропавловский — 500 штыков и Вербовский, под командованием комполка Паталахи.

4. В четвертый повстанческий полк имени батько Махно входят отряды: Мало-Токмацкий — 400 штыков, Ореховский — 700 штыков, под командованием Онищенко.

5. В пятый повстанческий полк имени батько Махно входят отряды: Жеребецкий — 300 штыков, Камышеватский — 200 штыков, под командованием Зубкова[132].

6. Все полки штатного формирования складываются из трехбатальонного состава, батальон — из трехротного, рота — из трехвзводного состава.

7. Командирам полков вменяется в обязанность сформировать штабы полков и, сохранив территориальное название отрядов, перевести их в батальоны, переизбрав командиров.

8. Всем командирам отрядов, которые в силу реорганизации оказались не у командного поста, немедленно прибыть в Пологи для работы в Оперативном Штабе.

9. Квартиры штаба полка назначаются: для 1-го — с. Цареконстантиновка, для 2-го — Пологи, для 3-го — Басань, для 4-го — Орехов, для 5-го — Жеребец.

10. Начальником формирования новых частей и лазаретов на участие оперштаба назначается Новиков, его помощником — Правда, членами оперативного отдела штаба — Коляда, Марченко, Пономаренко, Зверев; Начальником боевого участка Каракуба-Белоцерковка — член штаба Куриленко; Поповка-Петропавловка — член штаба Коляда; Ореховского — Онищенко и Александровского — Зубков, которым надлежит приготовить свои части к 8-му января 1919 г. в наступление.

Подписали: Начальник Оперштаба — В. Белаш Члены: В. Куриленко, Коляда, Пономаренко
Верно: Председатель заседания — Новиков Секретарь — Марченко Пологи, 4 января н/с.
1919 г.»[133].

Чтобы смягчить волю непокорных «батькив» было решено отозвать их от боевой массы в штаб, и загрузить фронтовой работой, которая хорошо приучает не делать различия между своим и чужим отрядом.

Махновский южный участок протяженностью в 150 верст защищался пятью полками, общей численностью в 6 200 человек, наполовину безоружных. Против них стоял противник: со стороны г. Александровска до 2 000 петлюровцев, со стороны Попово-Блюменталь-Новомихайловка, формирующаяся егерская бригада в 3 000 человек и немецкие отряды, насчитывавшие свыше 2 000 человек со стороны Великого Токмака — белогвардейские части, в том числе отряд белогвардейцев украинского добровольческого формирования до 4 500 человек. Все белогвардейские войска были под общим командованием генерала Май-Маевского.

Численное превосходство противника и прекрасное вооружение позволяло ему прочно укрепиться на старой линии. Однако мы не падали духом, зная, что пополнение вражеских рядов насильно мобилизованными людьми даст в первом же сражении хороший для нас результат.

Восьмого января мы перешли в наступление. Мобилизованные Май-Маевским крестьяне целыми частями переходили на нашу сторону с оружием в руках. Численность полков возрастала, и к 20 января 1919 г. южный участок имел свыше 15 000 штыков, 1 000 сабель, около 40 пулеметов и занимал линию фронта в 225 верст. От Михайловки-Лукашово, к северу по Днепру до Игрень, расстояние в 55 верст не было занято петлюровцами, и там действовали местные отряды и махновские, численностью до 2 000 штыков под командой Чалого.

В Новомосковском и Павлоградском уездах действовали отряды большевиков левых эсеров и анархистов «самарской организации», общей численностью около 10 000 человек.

Такое же положение было и в пролете Чаплино-Гришино.

Поэтому было решено развить наступление и на северном участке фронта с целью объединить находящиеся там повстанческие отряды, расширить территорию, обеспечить себе тыл с севера.

Для осуществления этой задачи был выделен крупный отряд повстанцев под командованием Петра Петренко, который, получив боевую задачу занять линию железной дороги Чаплине-Гришино, и если будет возможно — ст. Лозовую, погрузившись в вагоны, отбыл на Чаплине.

На станциях Чаплино и Просяная еще находились оккупационные войска, которые Петренко разгромил, и, продвигаясь далее по железной дороге, занял станции Демурино, Межевая, Удачное, Гришино[134].

Укрупняя старые и организуя новые отряды, Петренко занял боевые позиции по направлению Очеретино, откуда наступали белые. Он же выслал отряды под руководством братьев Клепенко для занятия линии Гришино-Марьинка (что в 20 верстах восточнее Курахово), которые осуществляли руководство боевым участком со своей базы, с. Максимилиановки и Марьинки.

Высланные Петренко в сторону Славянска отряды, дойдя до Краматорска вошли в соприкосновение с белыми и в 12 верстах от города добровольцам был дан бой[135].

Тогда же произошел такой курьез. Неизвестно, чем руководствуясь, Юзовский районный штаб (большевистский) вынес решение об аресте тов. Петренко[136]. Повстанцам объявили, что он арестован за террор, грабежи и пьянство. Телеграфист ст. Гришино тайно сообщил об этом в штаб Махно, который выслал отряд повстанцев под командой брата Петренко для наведения порядка. Юзовский штаб готовил разгром приближающемуся отряду руками вчерашних махновцев.

Но наши высадились из поезда не доезжая до Гришино одну станцию. Оттуда с черными и красными знаменами, революционными песнями двинулись на организованные Юзовским штабом и вооруженные пулеметами и винтовками, боевые позиции. Повстанцы узнали друг друга и, отказавшись стрелять, вышли навстречу. Отряды соединились. Началось братание.

В результате Петренко с другими арестованными командирами был освобожден, начальник Юзовского штаба анархист Шота расстрелян[137], а работники штаба разбежались кто куда.

После этого инцидента штаб Махно перестал настаивать на создании коалиционного губернского ревкома в составе большевиков, левых эсеров и махновцев. Да и все равно большевики отстаивали такую пропорцию, по которой их голосов было бы всегда в два раза больше[138].

Отряд Каретникова выбил петлюровцев из Синельниково[139], где были взяты трофеи и особенно ценные для нас 280 тыс. патронов.

Город Павлоград был занят 10 января советским новомосковским полком и отрядом Петренко.

В полете от Павлограда до Гришине оперировали мелкие крестьянские отряды местного формирования, которые боролись с петлюровскими мобилизационными отрядами, высланными в этот район украинской Директорией на основании подписанного со штабом Махно договора. Этим отрядам удалось завербовать в ряды петлюровцев значительное количество крестьянской молодежи.

Пролет в 50 верст между участками Петренко и Куриленко (то есть с Марьевкой и Златоустовкой) также был покрыт сетью местных повстанческих формирований, с одной стороны, и карательно-мобилизационными отрядами генерала Май-Маевского — с другой.

Кроме этих и других вооруженных сил, непосредственно ведущих бои с противником в Гуляйпольском и Пологовском районах, были полувооруженные резервы, доходившие до 5 000 человек.

Таким образом, не считая партизан местных крестьянских формирований, махновское повстанчество к 18 января имело около 29 тыс. бойцов, занимавших в тылу белогвардейщины и петлюровщины фронт на протяжении 500 верст. Отовсюду веяло победой, и махновщина росла с каждым днем.

Чем глубже проникала в село насильственная мобилизация противника, тем больше росло повстанчество. Мобилизованные переходили на нашу сторону, унося с собой оружие.

Блокированные повстанческим районом коммуникационные артерии (железнодорожные, грунтовые, водные пути) ставили под сомнение успешное осуществление планов Антанты в движении на север.

На юге и востоке Екатеринославщины на махновское повстанчество обрушились донцы и белогвардейцы украинского формирования под командованием Май-Маевского.

Высадившийся в г. Геническе кавказский десант (2 000 штыков и 300 сабель) к 20 января подошел на подмогу немецким отрядам и егерской бригаде в районе Большого Токмака. Другой десант, в 10 000 штыков, высадившись в г. Бердянске, к 20 января подошел на

участок Верхний Токмак; третий, в 5 000 штыков, 2 000 сабель, высадившись в г. Мариуполе, к 20 января двинулся на Цареконстантиновку, и четвертый, в 800 сабель и 2 000 штыков, также из Мариуполя и Таганрога двинулся через Волноваху и Авдеевку.

Настало дикое, сумасшедшее время, которое знакомо только тем, кто бывал в неравных атаках. Население убегало в поля и леса.

Отступая, мужчины, покидая свои насиженные места, устремлялись к Гуляйполю, а женщины, оберегавшие своих детей, оставались дома. Смерть была кругом, никого не щадила.

Белые колонны все ожесточеннее пробивались к Гуляйполю. Вот они захватили Орехов, Пологи, Туркеновку.

Гуляйпольцы знали, что белые не простят им повстанчества и готовились к бою. Население дружно вышло на строительство вокруг Гуляйполя земляных сооружений. Все вооружались, чем могли. Каждая улица на ночь выставляла секреты и круглосуточные патрули, которые останавливали и проверяли всех без исключения.

От станции Гуляйполе в сторону Полог был разобран железнодорожный путь, и на него сброшен состав с мокрым песком, что устранило опасность подхода бронепоездов к станции. Саму станцию занял отряд Каретникова.

Из Полог, занятых белыми, позвонили в штаб с предложением сдать Гуляйполе без боя, в противном случае грозились уничтожить село вместе с жителями. Предложение было отвергнуто самым грубейшим образом.

Начались бои с превосходящими силами противника. Белые большими силами конницы и пехоты повели наступление на станцию. Находящийся там отряд не мог сдержать натиска и погрузившись в вагоны, отступил на ст. Гайчур, куда уже прибывало подкрепление из с. Покровское (что в 40 верстах севернее Гуляйполя), под командованием Падалки.

Пока Каретников приводил в порядок войска, Чубенко по телеграфу связался с Петренко, который находился в Гришино, и потребовал от него прислать бронепоезд для отражения наступления белых, который он отбил у них, и подмогу в живой силе. Петренко сообщил, что высылают одно трехдюймовое орудие, установленное в американском полувагоне, и представляющее собой бронепоезд. Но в связи с отправкой повстанцев для взятия Синельникове и Александровски, не в ущерб себе, больше ничем помочь не может. Сам он собирается в район Александровска.

Развивая наступление от ст. Гайчур на ст. Гуляйполе и войдя в связь с Махно, находящимся в Гуляйполе, мы выбили белых со станции и гнали их до того места железной дороги, где валялись разбитые вагоны со смерзшимся на путях песком. Станция несколько раз переходила из рук в руки.

Деникинцы сообщали: «Нами взята станция Гуляй-Поле. Захвачено 60 вагонов муки, 8 вагонов сахара, 2 пулемета и масса винтовок. Изрублено 200 махновцев...»[140]

Тогда же произошла трагедия с саперной ротой.

Сформирована она была из ополченцев завода «Богатырь» и состояла из людей различного возраста, не обстреляна и слабо подготовлена к бою. Использовать ее намечалось как инженерную роту. Но судьба распорядилась иначе.

На ст. Гуляйполе вновь повели наступление белые. В подмогу отряду Каретникова и была на подводах отправлена инженерная рота во главе с ком. роты тов. Семенютой И. С. Но предатель завел их под перекрестный огонь пулеметов и сабли чеченцев. Погибло 52 бойца. Сам предатель, по национальности грузин, вернулся в Гуляйполе за очередной партией подкрепления, но был разоблачен и расстрелян.

Несколько дней спустя бойцов роты хоронили вместе с бойцами, погибшими в последних боях. Похоронная процессия растянулась почти на километр. Гробы следовали один за другим.

В церковной книге актовых записей значится: «В похоронах взяли участие все священники: Дмитрий Сахновский, Александр Лоскутов, Стефан Воскобойников, а также псаломщик Никодим Миткалев Гуляйпольской церкви. Все очень рыдали».

Трагедии этой забыть нельзя.

Хоронили их, по решению штаба, в первую братскую могилу на ярмарочной площади, тогда же переименованную в площадь Жертв Революции.

В речах звучали призывы к борьбе и посылались проклятия тиранам.

Несмотря на отчаянное сопротивление, Гуляйполе было почти окружено, и нам пришлось его оставить. Белые же вступили в него с восточной стороны с. Бочан, установили на горе батарею и прямой наводкой стали расстреливать хаты.

В селе уже не было повстанческих войск, оно горело, но обстрел не прекращался. Белые были верны слову и стремились снести его с лица земли.

За спасение Гуляйполя выступили священники двух церквей. Они в полном облачении, с хоругвями, иконами и певчими хорами, с молитвами и пением, рискуя жизнью, под звон колоколов пошли с челобитной к карателям.

На село была наложена большая контрибуция, взяты заложники.

И снова, теперь уже на белое дело, заработали «активисты», выдавая контрразведке сколько-нибудь замешанных в повстанчестве, семьи повстанцев.

Нашлись и добровольцы в белые войска, охотники сотрудничать с победителями. Начались пытки, расстрелы, запылали хаты.

В безумной пляске смерти я изредка вспоминал о Красной Армии, но она была далеко, и мысль о ней была мгновением, и снова кровь, кровь без конца. Отступить дальше из своих районов, чтобы соединиться на севере с красными, двигавшимися на Украину, повстанчество почему-то не решалось. Оно, защищая линию фронта (Михайлове-Лукашево, Новониколаевку, ст. Гайчур, Успеновку, ст. Межевую), усиленно формировалось и вооружалось вилами, ключками, пиками.

К этому времени (23 января 1919 г.) в с. Большая Михайловка открылся первый съезд махновского района, организованный К. Головки, по указанию главного штаба.

Состав съезда в классовом и политическом отношении был далеко не однороден, но по духу он был цельным.

Перед ним стояла задача: 1) укрепление фронта; 2) установление единого названия народным организациям и 3) ходатайство перед украинской Директорией о возврате домой мобилизованных.

На съезде были представители от волостей (по одному делегату) и от организаций фронтовиков — всего 100 человек. Председателем съезда был избран К. Головки, тов. председателя — К. Гонжа, И. Нот и секретарями Лавров и П. Козленке[141].

Кроме постановления о мобилизации на защиту революции всех фронтовиков николаевской войны, владеющих оружием, кроме обещания всемерно поддерживать махновщину, съезд ставил своей задачей вернуть из украинской и белой армий своих товарищей, насильно мобилизованных Петлюрой и Май-Маевским. Для проведения в жизнь последнего пункта съезд избрал делегацию и дал ей специальный наказ.

«Делегатам, отправляющимся в штаб батько Махно и Щуся, Советских войск и в штаб Украинской Директории.

1-й районный съезд фронтовиков, собравшийся 23-го сего января 1919 года в селе Большая Михайловка на заседании своем 24 января, по обсуждению вопроса о текущем моменте, постановил: послать делегацию во все вышеупомянутые штабы, снабдив их следующим наказом:

Для более успешного и продуктивного выполнения сего поручения, съезд, снабдив делегатов надлежащими документами для пребывания последних во всех штабах, требует от делегатов самопожертвования при выполнении предстоящего перед ними трудного и святого дела — предупреждения братского кровопролития. Не останавливаясь ни перед какими препятствиями, делегаты должны побывать во всех штабах и осведомить командующих войсками, а также и наших братьев и товарищей, находящихся в рядах войск Украинской Народной Директории, о том, что:

1. Районный съезд постановил создать в своем районе Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и силой оружия будет поддерживать власть Советов на Украине.

2. Что в такой грозный момент, когда наши враги, российская и украинская буржуазия, призвали к себе на помощь казаков с Дона, поляков и чехов из Польши, мы, рабочие и крестьяне, на своем районном съезде решили ясно и категорически, что только власть свободно избранного Совета близка нам по духу и стремлениям нашим.

3. Проведением этого решения в жизнь мы уничтожим то зло, из-за которого уже так долго происходит эта братоубийственная война.

4. Мы просим все войска, сражающиеся на территории Украины, объединиться под одним общим лозунгом: “Все на дорогу революции и за власть трудового народа!”

По возвращении из штабов делегаты должны взять на себя инициативу по скорейшему созыву 2-го районного съезда фронтовиков в одном из сел нашего района, по усмотрению самих делегатов, а если представится возможным, то созвать и Уездный Съезд.

Председатель 1-го районного съезда К. Головки. Тов. Председателя К. Гонжа, И. Нот.

Секретарь: Лавров и П. Козленко. 13 (26) января 1919 г., с. Большая Михайловка»[142].

Наш штаб стоял в с. Покровском, когда сюда явилась делегация съезда. Головки передал мне постановление.

— И какой ты дурень, Головки, — обратился я к нему, прочитав наказ, — сюда приехал агитировать нас, чтобы прекратить борьбу, или хочешь сагитировать Петлюру, чтобы он вернул наших фронтовиков, на которых я меньше всего положился бы. Да нет доверия и тем, которые дома сидят. ОНИ — изменники. Раз продали Петлюре и немцам Гуляйполе, Бердянск, Мариуполь, во второй раз — не объегоришь! Я категорически заявляю, что вашим фронтовикам оружия не доверю, а если они хотят сражаться, пусть идут к нам в полки, но не производят своих формирований. Чубенко уже давно поехал к Дыбенко[143] подписать наше соглашение, а тебя черти несут к Петлюре агитировать своих фронтовиков.

Я подал ему манифест Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины. Он внимательно начал читать его своим товарищам:

«29 ноября 1918 г. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Именем восставших рабочих и крестьян, именем революционной армии Украины объявляем власть гетмана низложенной, власть рабочих и крестьян, власть Советов на Украине восстановлена.

Рабочие и крестьяне Украины! Солдаты Красной Украинской армии!

Фабрики и банки были возвращены капиталистам, земля и сельскохозяйственный инвентарь — тунеядцам-помещикам. Запылали деревни, загремели пушки, застучали пулеметы, направленные на освободившихся рабочих и крестьян Украины. Сотнями и тысячами расстреливались бедняки, многими тысячами загонялись они в тюрьмы только за то, что осмелились быть свободными, только за то, что не пожелали работать на помещиков и капиталистов...

Именем восставших масс мы объявляем:

1. Гетман и его Совет Министров считаются низложенными и состоящими вне закона.
2. Все ставленники гетмана и германского командования, все представители нынешней местной власти подлежат немедленному аресту с заменой их представителями рабочих и крестьян, верными сторонниками Советской власти.
3. Все законы, приказы, договоры, постановления и распоряжения как гетмана и его агентов, так и Центральной Рады и ее агентов считаются незаконными и не подлежащими исполнению.
4. Всякий, принуждающий или уговаривающий исполнять распоряжения гетмана или Центральной Рады или их агентов на местах, подлежит расстрелу на месте.
5. Все фабрики, заводы, банки и торговые предприятия, рудники и каменоломни являются собственностью украинских трудящихся масс и должны быть сданы органам Советской власти их нынешним владельцам и собственникам а полном порядке, согласно определенным указаниям революционной рабоче-крестьянской власти.
6. Все земли помещиков со всем живым и мертвым инвентарем должны быть немедленно отобраны у помещиков и безвозмездно переданы крестьянам.
7. Заработная плата повышается до нормы, установленной Советской властью в России.
8. Все права крестьян и рабочих, установленные Советским правительством, приобретают полную силу, все долговые обязательства крестьян и рабочих по отношению к капиталистам и помещикам считаются недействительными...

Мировая революция идет. Восставший пролетариат не может не победить — и он победит.

Встаньте все, как один, встаньте мощной и несокрушимой стеной и вы победите.

Все в бой, все к оружию! Все в ряды рабоче-крестьянской армии. Вперед к победе!»[144].

Подписали: Пятаков, Ворошилов, Сергеев, Квиринг, Аверин, Затонский, Коцюбинский, — закончил читать Головка.

— Это что же, наше, стало быть, правительство, а ну-ка давайте поедем к нему и расскажем свое горе, попросим оружия, денег... Как же оно вышло, еще и договор? Ну хлопцы, — обратился он к своим, — теперь надо ехать в Харьков и расспросить, что к чему, как жить дальше.

Они решили срочно ехать в Харьков, и я снабдил их деньгами, документами, выделил паровоз.

Угроза занятия Красной Армией Донбасса ставила Антанту в критическое положение на море, так как ее корабли были бы лишены возможности получать уголь, поэтому весь бывший десант Геническа и Мариуполя с махновского фронта повернул в Юзовку и Макеевку.

У нас ощущалась острейшая нужда в боеприпасах.

В ночь на 27 января противник осуществлял перегруппировку на фронте. Пользуясь затишьем, мы созвали собрание командиров частей и штабов (главного штаба Махно и оперативного). Махно докладывал о текущем моменте. Он сказал, что 21 января мы получили от Дыбенко[145] телеграмму, где сообщалось о совместных успешных действиях советских войск и отрядов повстанцев-махновцев в боях за ст. Синельниково и просит для согласования совместных действий прислать полномочного представителя, а также, если можно, занять Александровск.

Нашим представителем к Дыбенко был послан Чубенко, с полномочиями решать вопросы военного характера о совместных действиях, просить у него боеприпасы и вооружение, не затрагивая вопросов политических. В крайнем случае, он подпишет соглашение, и ценой союза с Красной Армией мы вооружим новые части и перейдем в решительное наступление.

Северному и западному участку наших войск было дано указание занять Александровск и принять участие во взятии Екатеринослава.

Далее Махно сообщил, что в Харьков одновременно с красными войсками вступил и анархический повстанческий отряд под командой анархиста Чередняка[146], наступавший на город со стороны Волчанска. Но в городе полторатысячный отряд, при двух орудиях, был окружен и силой разоружен красными войсками[147].

С представителями группы анархистов, которой принадлежал отряд, красные не пожелали и разговаривать. Руководители отряда арестованы и красные хотят их судить. Это я вам говорю к тому, что нужно быть очень осторожными, ожидать можно всего, — закончил Махно.

Кроме 29 000 бойцов, мы имели резерв в 20 000 человек, но без оружия.

Во время заседания Чубенко вызвал нас по телеграфу и передал, что 25 января в Нижнеднепровске еще раз виделся с Дыбенко, ставил вопрос относительно вооружения и наконец договорился заключить военное соглашение, не нарушающее нашего принципа: добровольчества, самодисциплины и выборности командного состава. Он прочел основные положения договора:

1. Все отряды и полки имени батьки Махно войдут в состав Красной Армии как бригадная единица и будут называться бригадой имени батьки Махно.
2. Военное снаряжение, продовольствие и финансы она получает по штатной разверстке от Красной Армии, перед которой отчитывается по всем статьям расходования.

3. Внутренняя организация остается прежней: выборность командного состава, регулирование штабом взаимоотношений между полками.

4. Комбригом назначается батько Махно, и ему в помощь как в штаб бригады, так и в полки, красное командование посылает политических комиссаров с обязанностями политического воспитания частей и контроля за проведением распоряжений центра.

5. Все крупные и мелкие отряды и полки сливаются в регулярные штатные полки и проводятся приказом по дивизии. Бригада с противоденикинского фронта никуда не уводится.

6. Бригада в оперативном отношении подчиняется по инстанции начдиву и командующему фронтом.

Затем Чубенко сообщил, что по вопросу о вооружении товарищ Дыбенко настоятельно просил повременить дня два, пока подойдет из Харькова его база. Тогда мы получим бронепоезд, 10 000 винтовок, 20 пулеметов, патроны, одну батарею трехорудийного состава, деньги и прочее.

Подтвердил взятие 23 числа нашими повстанческими войсками г. Александровска[148]. Сообщил, что по занятии города в нем появился какой-то «совет», который объявил себя «единственной властью в городе», но вскоре был разогнан повстанцами[149]. В городе образован повстанческий ревком.

Сообщил также, что для занятия Екатеринослава сил у Дыбенко мало и без нас он его не возьмет. Поэтому он нуждается в союзе с нами, хотя и есть коммунисты, которые предлагают Дыбенко расправиться с нами, пока у нас нехватка патронов[150]. Но Дыбенко имеет определенные директивы из Москвы о военном союзе с нами.

Концентрация повстанческих войск в районе Синельникове–Александрове, и особенно взятие Александровска, ускорили и предопределили основные положения договора, о некоторых пунктах которого раньше не желали и слышать. Развивая наступление, наши войска вышли к Екатеринославу, часть их движется, на юг от Александровска.

Собрание нетерпеливо ожидало известий, в надежде, что скоро можно будет раздать бойцам патроны, винтовки и перейти в наступление. Некоторые настаивали на том, чтобы ехать в Харьков к командующему фронтом, подписать с ним договор и сейчас же получить необходимое. Большинство с этим согласилось.

Я был избран делегатом для поездки в Харьков к командующему.

Вдруг загрохотали неприятельские орудия. Командиры, получив распоряжения перейти в контратаку, поспешили к своим частям, а я и Махно выехали на наблюдательный пункт.

Вскоре наши закричали «Ура!» и перешли в штыки. Неприятель дрогнул и начал отступать.

Сколько радости было у женщин при встрече со своими, сколько слез и объятий в Гуляйполе при нашем появлении!

Уставшие и озябшие за ночь, мы ввалились в хату, из которой полчаса тому назад вышли чеченцы.

Одинокая хозяйка сидела у печки возле детей. Трое спали, а четвертое в люльке продолжало плакать. Узнав о нашем приходе, она зарыдала. Мы отдыхали под заунывную колыбельную песню, полную тоски и боли. ...Братів твоїх рідних, закутих в кайдани, Живими сховали вороги погані. ...Як виростеш, синку, стане в світ жити — Не забудь за батька кровію ввдплатити...

Выяснилось, что муж хозяйки убит за селом в сражении, два сына уведены в плен и в ожидании военно-полевого суда упрятаны в Ростовскую тюрьму.

Вечером, когда противник особенно злился и переходил в штыки, я выехал в Харьков.

В штабе Антонова-Овсеенко я имел беседу с его заместителем, который успокоил меня:

— В лице Дыбенко вы должны видеть представителя красного командования и Советского Временного Украинского правительства. Он меня извещал полчаса назад, что сегодня вам послано оружие, Новомосковский полк и бронепоезд «Спартак». От имени командующего и правительства прошу передать повстанцам горячий привет и пожелание скорее добить врага и приступить к организации хозяйства и коммунистического общества, — говорил он.

Покончив с делами у командующего, я отправился в секретариат конфедерации «Набат»[151], где доложил анархистам о махновщине. Они откликнулись на мой призыв и обещали поддержать нас литературными силами.

Группа из четырех человек Иосиф Гутман[152], Черняк[153], Уралов[154] и Венгеров[155] не замедлила выехать, захватив четверть вагона литературы и конфедеративную газету «Набат». Другая группа обещала ехать со мной, но по личным причинам задержалась в Харькове.

Письмо Махно, переданное мною для Марина и Рогдаева[156], находившихся в то время в Москве и сотрудничавших в карелинской «Анархии»[157], было передано товарищами, ехавшими туда для связи. Махно просил их прибыть к нему и взять на себя работу по организации и редактированию повстанческой газеты.

Получив в штабе командующего фронтом партию полевых гарнизонных и прочих уставов, а в издательстве «Набат» анархистскую литературу, я отправился в обратный путь, на Гуляйполе.

Из имеющейся в это время анархистской литературы особым спросом в войсках и у населения пользовалась брошюра А. Карелина, вызывая продолжительные дискуссии.

Чтобы правильно понять происходившее, читателю полезно будет познакомиться с некоторыми принципиальными элементами теории анархизма.

Карелин писал: «Государство — это шайка разбойников на работе.

Государство — это антогонистическое (распадающееся на враждебные части) общество живущих на какой-либо территории людей, часть которых — правители — обладает самостоятельно принудительной властью, а другая часть — подвластные — не имеют ее...

Государство — это известным образом для целей эксплуатации и угнетения прекрасного организованные люди, угнетающие и эксплуатирующие плохо организованных трудящихся людей...

С государственной точки зрения, подвластные являются пассивными (бездеятельными) членами общества, что не исключает, разумеется, их реагирования (ответного действия) на деятельность властных и активных (деятельных в смысле управления государственными делами) членов этого общества.

Естественно, что правители пользуются властью для своей выгоды и для выгоды тех лиц, на которых им приходится опираться или которых они боятся. Эти угнетатели и эксплуататоры так организовали разные учреждения, главным образом, учреждения насилия, что не позволяют трудящимся серьезно организовать для сопротивления этому насилию и угнетению.

Короче, государство, это — организация господствующих, “давящих”, — по точному выражению Л. Н. Толстого, — классов.

Государство является совокупностью институтов (учреждений) насилия, но так как последних не хватает для целей эксплуатации и угнетения, то есть, не хватает для того, чтобы держать народ в повиновении, то и институтов лицемерия...

“Государство — это собрание одних людей, насилующих других”, — говорит Л. Н. Толстой.

“Основываясь на наблюдении действительности, — писал Элизе Реклю, — анархисты говорят, что государство и все, что с ним связано, представляет не что-то абстрактное, не какую-либо абстрактную формулу, а совокупность людей, поставленных в особые условия и испытывающих на себе их влияние. Им предоставлены высшие должности, больше власти и больше содержания, чем остальным их согражданам...”

Выясняя сущность государственной власти, государствовед Леон Дюги пишет: “Я говорю, прежде всего, что государственная власть есть не право, а простой факт, факт превосходства силы...”

Определяя государство, его цели, исторически и логически верно было бы сказать следующее: “цель государства заключается в том, чтобы таким соединением людей дать возможность одним людям обогащаться за счет других и пользоваться их услугами, не давая ничего взамен, мешать этим лицам осуществлять те цели, мешать постигать таких

ступеней существования, какие возможны для свободных, не знающих принудительной власти обществ. Цель государства сводилась к развращению лиц, обладавших принудительной властью, к тому, чтобы сохранить ее в руках этих лиц! Для чего приходится мешать подвластным приобретать такую сумму просвещения, силы и свободы, которая мыслима в вольном обществе, то есть держать подвластных в невежестве, рабстве и безсилии. Итак, цель государства отуплять, уродовать и принуждать большинство человеческих существ, развращать и отуплять меньшинство; другими словами — мешать проявиться той культуре, к которой способно человечество, мешать проявиться назначению последнего; цель государства — всеми силами препятствовать развитию человечества в направлении к свободе...”

Нигде и никогда государство не ставило своей целью охрану слабых от сильных. Его девизом всегда был нелепый совет: “слабого обижай, падающего толкни”.

Если ему и приходилось иногда защищать слабого от нападения сильного (очень редко), то только для того, чтобы не потерять объекта угнетения и эксплуатации (чтобы не лишиться людей, которых оно могло бы эксплуатировать и угнетать), другими словами, только для того, чтобы поддержать свое могущество, но отнюдь не потому, что защита слабых была целью государства...

И только потому, что творческие силы общества не могли быть всецело уничтожены государством, возможно было приписывать ему благотворное влияние на людей.

Одним из важнейших факторов прогресса является взаимопомощь и самодеятельность людей, а государство мешая самодеятельности своих подданных, всегда и везде мешало развитию в их среде взаимопомощи...

Государство и общество — одно и то же “в том смысле, в каком лев и ягненок составляют одно и то же после того, как лев съел ягненка”(Тэкер).

Ни по своему происхождению, ни по своей деятельности принудительная власть не имеет ничего загадочного. Это — просто хорошо устроенное постоянное насилие, около которого в скором времени объявились ядовитые цветы обмана и лицемерия правителей и купленных ими людей.

Государственная принудительная власть не имеет ничего общего с духовным влиянием одного лица на другое, и попытки соединить эти понятия в одно оказались неудачными...

Итак, обладающие принудительной властью правители причиняют людям тяжелые страдания. Где государство, — там всегда имеются палачи в мундирах или сюртуках, утонченно лютые или просто свирепые палачи...

М. А. Бакунин указывает, что общество отличается от государства тем, что оно является естественной формой существования человечества, что оно управляет нравами, привычками людей, но не законами. Оно идет вперед благодаря толчкам, которые даются ему почином отдельных лиц, но не потому, что его толкает вперед мысль и воля законодателя.

Утверждая, что люди должны жить в государствах, а не в вольных общежитиях, обыкновенно говорят, что люди слишком испорчены для того, чтобы жить без приказов начальников...

Для того, чтобы собирать с подданных подати и держать их в повиновении, правители делятся на группы, задачи которых будто бы строго разграничены. Законодатели, судьи и чиновники — исполнители, представляют из себя группы со строго будто бы разделенными функциями.

В сущности же, эти функции не могут быть строго разграничены, а затем, только смешивая понятия, можно сказать, что эти “разделившие” власть правители тем самым ограничили ее.

В сущности же, “разделение власти” только усилило власть правителей.

Итак, правители распадаются на несколько групп. Законодатели указывают, в чем именно заключается воля правителей. Судьи приказывают мучить людей, нарушающих эту волю. Полиция это — сборище насильников, прибегающих и к убийству для того, чтобы была исполнена воля правителей.

Армия, это подчиненные известным правилам люди, большая часть которых, путем угроз муками и путем мучений, обращена в дисциплинированных и обученных убийству вооруженных рабов; другая же часть этой армии, состоящая из членов правительства, командует этими рабами для пользы правителей.

Правители организованы иерархически: низшие подчиняются высшим, а те еще более высшим, вплоть до главных правителей.

Главные правители разрешают соглашениями непредусмотренные конфликты между собою. Остальные же члены иерархии повинуются главным правителям или, потому, что подкреплены деньгами (жалованием) и заинтересованы в поддержке правительства, частью которого они являются, или же потому, что им грозят, в случае неповиновения, лишениями и мучениями, которым они будут подвергнуты по распоряжению главных правителей.

Низшие исполнители повелений правителей, например, солдаты, присяжные заседатели, сельские полицейские низших рангов завербовываются на службу правительства силою, угрозами тяжелых и легких наказаний.

Среди подкупленных и бескорыстно служащих правительству чиновников и наемных людей попадаются и такие, которые убеждены, что правителей надо слушаться потому, что такое послушание полезно людям.

Правителям выгодно иметь в своих рядах и глупых людей, не разобравшихся в том, где добро, где зло, но вместе с тем людей, убежденных в правоте правителей. Такого человека выгодно держать на виду, поставив его, хотя бы и номинально, во главе правительства...

Особенно дорого платят правители судьям, которые приняли на себя обязанность приказывать другим людям (палачам) душировать или резать людей.

Оно и понятно, почему буржуазия уважает, а правители большими деньгами подкупает судей. Эти судьи горой стоят за правителей, приказывающих мучить людей, не исполняющих приказов-законов этих же правителей; они горой стоят за буржуазию, наказывая людей, которые наносят ей или только думают нанести ей имущественный ущерб. Но они не наказывают буржуа и правителей, постоянно наносящих ущерб рабочему люду. Зачастую, — даже очень часто, к сожалению, — суд, как две капли воды, походит на подлую травлю подсудимого, напрасно доказывающего свою невиновность.

Нравственная испорченность судей позволяет им считать себя порядочными людьми и даже посторонние люди считают их таковыми, несмотря на их палаческие занятия. Ведь приказывать мучить и душить людей так же скверно, как самому мучить и душить их...

Судьи, то есть, подстрекатели палачей, тюремщиков и других насильников, это — одни их самых развращенных людей в мире. Они меньше считаются с человеческим достоинством, чем самые последние хулиганы.

Необходимым придатком судейской деятельности является выслеживание тайн, шпионство, предательство...

Искажение закона путем его толкования в пользу эксплуататоров и угнетателей — обычное дело судов.

Даже применяя уголовный закон, судья зачастую обрушивает тягчайшую из степеней наказания на лиц из трудящихся классов общества и легчайшую на тех, кто близок к судьям по классу, по воззрениям и пр.

Нет беспристрастного судьи. Нет и судьи, способного охватить всю жизненную сложность разбираемых им дел. Нельзя утешаться и тем, что обычно нелепый свод обычных глупых законов выведет судью на верную дорогу...

Мы не будем говорить много о деятельности так называемых военных судей. Правители назначают на эти места или особо неразвитых, особо тупоумных или особо свирепых и злобных людей, применяющих к попавшим к ним людям, обычно не совершившим ничего плохого или злого, самые дикие, самые нечеловеческие муки...

Тем не менее, перед нами повсюду стоит одна картина: “с одной стороны, заключенный, посаженный подобно дикому зверю в железную клетку, доведенный до полного упадка умственных и нравственных сил; с другой — судья, лишенный всякого человеческого чувства, живущий в мире юридических фикций, посылающий людей на гильотину со сладострастием и холодным спокойствием сумасшедшего, не сознающий даже до какого падения он дошел”(П. А. Кропоткин)...

Каждый член развитой правительственной иерархии, властвуя, подчиняется и прячется за спину другого властителя, а все правители вместе прячутся за закон, как о закон не является простым выражением воли высших правителей, обычно У явственной с волей богатых классов общества.[158]

Каждый правитель оправдывает свое поведение даже тогда, когда сам понимает, что оно приносит вред людям и ссылается при этом на волю других людей, как бы не понимая, что такая ссылка ничего не оправдывает. “Я очень сожалею о том, что должен приписывать отбирание произведений труда, заключение в тюрьму, изгнание, каторгу, казнь, войну, то есть, массовое убийство, но я обязан поступить так потому, что этого самого требуют от меня люди, находящиеся во власти. Если я отнимаю у людей собственность, хватаю их от семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разоряю их, стреляю в города, по женщинам детям, то я делаю это не на свою ответственность, а потому, что исполняю волю высшей власти, которой я обещал повиноваться для блага общего”. (Л. Н. Толстой)...

Высшие же правители, опять-таки, преследуя свои личные интересы, еще охотнее ссылаются на “общее благо”, как раз тогда, когда творят зло и оправдывают, таким образом, удивительно подлые поступки.

Сущность власти одна и та же, какова бы ни была форма и как бы часто ни менялись правители, остается страшно вредным для населения учреждением...

“Люди, вследствие того, что они имеют власть, делаются склонными к безнравственности, то есть, к подчинению общих интересов личным, чем люди, не имеющие власти, как это и не может быть иначе... Расчет или даже бессознательное стремление насилующих всегда будет состоять в том, чтобы довести насилуемых до неизбежного ослабления, так как чем слабее будет насилуемый, тем меньше потребуются усилий для его подавления... Нет тех ужасающих преступлений, которых не совершили бы люди, составляющие часть правительства и войска, по воле того, кто случайно может встать во главе”(Л. Н. Толстой).

Подчинение всегда оскорбительно и тягостно для взрослого человека.

Власть — это моральная язва,— развращает и подчиняющих и подчиненных. Правительство противодействует серьезным порывам людей к самосовершенствованию. Такое совершенствование неизбежно порождает протест против поработителей и, в конечном счете, против всякого правительства...

Развращенные правители не могут не развращать подвластных, обращая их в орудие насилия. “Одна из особенностей правительств заключается в том, — говорил Л. Н. Толстой, — что они требуют от граждан того самого насилия, которое лежит в основе их и поэтому в государстве все граждане стали угнетателями самих себя”.

Уже одно то, что и государственная власть немислима без мучений, а государство немислимо без такой принудительной власти, заставляет смотреть на государство, как на нежелательное учреждение...

Самый серьезный довод правителей изложен Л. Н. Толстым в следующих словах: “все люди, находящиеся у власти, утверждают, что власть нужна для того, чтобы злые не насильствовали добрых, подразумевая под этим то, что они-то суть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых, но, — продолжает Л. Н. Толстой, — для того, чтобы захватить власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется не с добротой, а с

противоположным доброты качеством — с гордостью, хитростью, жестокостью. Без возвеличения себя и унижения других, без лицемерия, обманов, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни держаться никакая власть... Всякое правительство, — говорил Л. Н. Толстой, — а, тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение”.

Свобода и государство, — все равно, правовое или деспотическое, или всякое другое, — несовместимы. Пока есть власть, всегда будет и фикция свободы или отсутствие даже этой фикции. Свобода мыслима только в безвластном обществе...

Если мы станем на точку зрения трудящегося и хорошо понявшего свои интересы населения, то мы не найдем ни одного серьезного довода в пользу сохранения государственного строя общества...»[159].

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 22:24:53

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 22:43:56